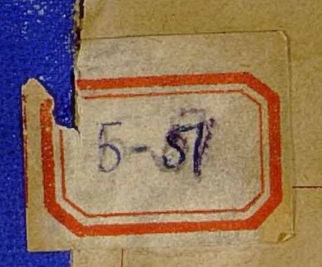
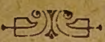

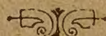
ВОСПОМИНАНІЯ
о
ГРАФѢ Л. Н. ТОЛСТОМЪ

(Въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1891 г.)

С. А. БЕРСА.

I. Введеніе.—II. Біографія гр. Л. Н. Толстаго до его женитьбы — III. Семейная жизнь гр. Л. Н. Толстаго за время до 1878 года.— IV. Особенности гр. Л. Н. Толстаго до его ученія.—V. Мои поѣздки съ гр. Л. Н. Толстымъ и его семь[illegible]—VI. Перемѣна, происшедшая [illegible]ѣ Николаевичѣ Толстомъ.

Смоленскъ.
Типо-Литографія Ф. В. Зельдовичъ.
1894.

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ГРАФѢ Л. Н. ТОЛСТОМЪ

(Въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1891 г.)

С. А. БЕРСА.

Смоленскъ.
Типо-Литографія Ф. В. Зельдовича.
1893.

Печатать дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Октября 1893 г.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Когда графъ Левъ Николаевичъ Толстой сталъ излагать свое нравственное ученіе, всѣ заинтересовались частною жизнею его самаго и его семейства. Всякій задавался вопросомъ, какъ онъ жилъ прежде и живетъ теперь и какъ относится его семья къ его ученію.

Въ печати объ этомъ появлялись большею частью невѣрныя и отрывочныя свѣдѣнія, причемъ очень часто отдѣльные факты освѣщались невѣрно и невѣрно истолковывалось самое ученіе.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой женатъ на моей родной сестрѣ и я проводилъ въ его семействѣ всѣ каникулы въ промежутокъ времени съ 1866 по 1878 годъ включительно, когда ему было отъ тридцати девяти до пятидесяти одного, а мнѣ отъ одиннадцати до двадцати трехъ лѣтъ.

Частная жизнь его во всѣхъ отношеніяхъ свѣтлая и прекрасная. Всю свою жизнь онъ дѣлалъ и высказывалъ только правду и поэтому часто говорилъ: „у меня ни отъ кого на свѣтѣ нѣтъ никакихъ тайнъ! пусть всѣ знаютъ, что я дѣлаю!“

Прежде, чѣмъ описывать мои воспоминанія о немъ, я долженъ упомянуть о нашихъ отношеніяхъ.

Понятно, что отрокомъ и молодымъ человѣкомъ я не только любилъ и уважалъ его, но и поклонялся ему. Независимо отъ обаянія, которымъ обладаетъ геній, поклоненіе это вытекало еще и изъ другаго его индивидуальнаго свойства. Какъ великій психологъ и педагогъ, а притомъ и глубокосердечный человѣкъ, онъ умѣетъ привлечь къ себѣ не только отрока, но и всякаго человѣка; но что въ общежитіи называется тактомъ и деликатностью, въ немъ составляетъ особое его дарованіе.

Все время, когда онъ не работалъ, а лѣтомъ онъ занимался сравнительно мало, я неотлучно находился при немъ, сопровождая его во всѣхъ поѣздкахъ вдаль, каждую охоту и прогулку.

Какъ юноша, поклонявшійся своему руководителю, я дорожилъ всякою минутою его общества и ловилъ каждое его слово и мысль. Зимою я жилъ надеждою и ожиданіемъ снова быть съ нимъ и переписывался съ сестрою, интересуясь всѣми подробностями ихъ жизни, и былъ въ величайшемъ восторгѣ, когда онъ побалуетъ меня письмомъ, что случалось раза два три въ годъ. Такимъ образомъ отрочество и молодость мою я провелъ или въ обществѣ или подъ отдаленнымъ вліяніемъ Льва Николаевича, и время это я вспоминаю, какъ лучшій періодъ моей жизни.

Въ 1878 году я провелъ съ нимъ послѣднее лѣто и уѣхалъ въ Закавказскій край на службу.

Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Львомъ Николаевичемъ одинъ разъ, когда осенью 1887 года прогостилъ у него въ Ясной Полянѣ около двухъ мѣсяцевъ.

Съ трепетнымъ благоговѣніемъ я встрѣтилъ моего ру-

ководителя, но через два мѣсяца послѣ этой встрѣчи онъ разстался со мной уже холодно, потому что и жизнь и взгляды мои шли въ разрѣзъ съ его ученіемъ. Послѣ всего сказаннаго, если я, воспитанникъ и поклонникъ его, не являлся теперь въ моихъ дѣлахъ и убѣжденіяхъ ретивымъ послѣдователемъ его ученія, наша близость сама собой разрушалась.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Львѣ Николаевичѣ я вкратцѣ передамъ его біографію до женитьбы; его жизнь за вышеупомянутые годы, коей я былъ свидѣтелемъ; и впечатлѣнія мои въ послѣднее наше свиданіе, когда въ немъ уже произошелъ тотъ переворотъ, который измѣнилъ всю его умственную дѣятельность и внѣшнюю жизнь.

II.

Біографія графа Льва Николаевича Толстаго до его женитьбы.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа въ 1828 году въ имѣніи Ясная Поляна, Крапивенскаго уѣзда Тульской губерніи. Родоначальникомъ его былъ современникъ и другъ Петра I, пожалованный въ графы, Петръ Андреевичъ Толстой, потомокъ выходца изъ Пруссіи, занимавшій постъ посла въ Турціи, гдѣ былъ заключаемъ въ семибашенный зàмокъ, какъ только возникали какія нибудь недоразумѣнія между Россіею и Турціею. Поэтому въ гербѣ графовъ Толстыхъ и изображенъ этотъ зàмокъ.

Предки Льва Николаевича въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ подъ рядъ вступали въ бракъ съ княжнами фамилій,

происходящихъ отъ Рюрика. Мать его урожденная княжна Волхонская; бабушка по отцу—княжна Горчакова; бабушка по матери—княжна Трубецкая. Во внѣшности его много напоминающаго дѣда, князя Николая Андреевича Волхонскаго, что видно изъ портрета послѣдняго въ натуральную величину масляными красками. У обоихъ открытый и высокій лобъ съ творческими шишками; музыкальныя шишки, далеко выдающіяся впередъ, покрыты густыми отвисающими бровями, изъ подъ которыхъ точно проникаютъ въ чужую душу небольшіе и глубоко сидящіе сѣрые глаза. Глаза Льва Николаевича до того поражаютъ этой особенностью, что многіе находятъ ее непріятною. Отъ временъ дѣда, князя Волхонскаго, въ Ясной Полянѣ еще сохранилось генеалогическое дерево князей Волхонскихъ, написанное на полотнѣ масляными красками. Родоначальникъ князей Волхонскихъ, Святой Михаилъ, князь Черниговскій, держитъ въ рукѣ дерево, развѣтвленія котораго содержатъ перечень его потомства. Фамильное сходство и дѣда и внука съ княземъ Михаиломъ Черниговскимъ на портретѣ несомнѣнное, хотя живописецъ конечно не могъ имѣть понятія о несуществовавшемъ тогда внукѣ.

Родители Льва Николаевича жили преимущественно въ Ясной Полянѣ и семейная жизнь ихъ протекала счастливо и безмятежно, какъ разсказывалъ мнѣ мой дѣдъ, Александръ Михайловичъ Исленьевъ, другъ и сосѣдъ отца Льва Николаевича. Отецъ его, графъ Николай Ильичъ Толстой, служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку и въ 1812 году былъ въ плѣну у Французовъ. Въ произведеніи «Война и Миръ» онъ описанъ подъ именемъ

графа Николая Ильича Ростова, но плѣнъ его послужилъ темою для описанія плѣна Пьэра Безухова; такъ что въ произведеніи «Дѣтство» въ главѣ «Что за человѣкъ былъ мой отецъ» описанъ не отецъ Льва Николаевича, а тотъ же дѣдъ мой, А. М. Исленьевъ, котораго Левъ Николаевичъ зналъ еще въ дѣтствѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ произведенія «Война и Миръ» подъ именемъ князя Николая Андреевича Болконскаго и графа Ильи Андреевича Ростова описаны оба дѣда Льва Николаевича, князь Волхонскій и графъ Толстой, подъ настоящими ихъ именами. Это подтверждается однимъ взглядомъ на ихъ портреты, находящіеся въ залѣ Ясной Поляны.

Хотя Левъ Николаевичъ лишился матери трехъ лѣтъ, онъ описалъ ее, какъ воображалъ, въ княжнѣ Маріи Болконской. Отца онъ лишился девяти лѣтъ и, вмѣстѣ съ тремя братьями, которые всѣ старше его, и сестрою моложе его, остался на попеченіи сначала одной тетушки по отцу и опекунши, графини Александры Ильинишны Остенъ-Сакенъ, а потомъ другой—Пелагеи Ильинишны Юшковой и еще родственницы, Татьяны Александровны Ергельской, которыя обѣ скончались у него въ домѣ въ преклонныхъ лѣтахъ въ бытность мою въ Ясной Полянѣ.

Ясная Поляна, родовое имѣніе князей Волхонскихъ, расположена почти на скрещеніи трехъ дорогъ, Московско-Курской желѣзной дороги, Тульско-Кіевскаго шоссе и на Тульско-Крапивинской старой дорогѣ, въ 15-ти верстахъ отъ города Тулы. Самое названіе «Ясная Поляна» уже свидѣтельствуетъ о ея веселомъ и живописномъ мѣ-

стоположеніи. Нѣсколько холмистая, она окружена огромнымъ казеннымъ лѣсомъ—Засѣкою. Усадьба съ вѣковыми липовыми аллеями, посаженными прадѣдомъ, княземъ Волхонскимъ, съ четыремя прудами и вѣчно запущеннымъ садомъ, обнесена валомъ, въ замкѣ котораго, при въѣздѣ на проспектъ, стоятъ двѣ круглыя кирпичныя башни. Въ нихъ, по разсказамъ старухи, оставшейся отъ Яснополянской дворни, во времена дѣда князя Волхонскаго, генерала временъ Павла I, всегда дежурилъ часовой.

По свидѣтельству покойной тетушки Льва Николаевича, П. И. Юшковой, въ дѣтствѣ онъ былъ очень шаловливъ, а отрокомъ отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступковъ, живостью характера и прекраснымъ сердцемъ.

Покойница расказывала мнѣ, что однажды въ пути на почтовыхъ лошадяхъ, когда всѣ уже усѣлись въ экипажъ, стали искать Льва Николаевича, который былъ тогда мальчикомъ. Въ это время голова его высунулась въ окнѣ станціи со словами: «ma tante! я сейчасъ выхожу!». Половина головы его была обстрижена. Фантазія обстричь голову во время короткой остановки повидимому не объяснялась никакою надобностью.

Моя покойная матушка разсказывала мнѣ, что, описывая свою первую любовь въ произведеніи «Дѣтство», онъ умолчалъ о томъ, какъ изъ ревности столкнулъ съ балкона предметъ своей любви, которая и была моя матушка девяти лѣтъ отъ роду. Онъ сдѣлалъ это за то, что она разговаривала не съ нимъ, а съ другимъ.

Самъ Левъ Николаевичъ разсказывалъ при мнѣ въ се-

мейномъ кругу, что въ дѣтствѣ, лѣтъ семи или восьми, онъ возъимѣлъ страстное желаніе полетать въ воздухѣ. Онъ вообразилъ, что это вполнѣ возможно, если сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣни, при этомъ, чѣмъ сильнѣе сжимать колѣни, тѣмъ выше можно полетѣть. Мысль эта долго не давала ему покою и наконецъ онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. Онъ заперся въ классную комнату, влѣзъ на окно и въ точности исполнилъ все задуманное. Онъ упалъ съ окна на землю съ высоты около двухъ съ половиною сажень и отшибъ себѣ ноги и не могъ встать, чѣмъ не мало напугалъ всѣхъ домашнихъ.

Воспитаніе Левъ Николаевичъ получилъ домашнее и поступилъ въ Казанскій университетъ, наиболѣе славившійся въ то время. Тамъ окончили курсъ всѣ его братья. Подобно большинству нашихъ талантливыхъ людей, онъ не окончилъ университета и ушелъ съ третьяго курса факультета восточныхъ языковъ, побывавъ предварительно на математическомъ, медицинскомъ и юридическомъ. По разсказамъ его неудача эта его очень мучила. Причиною этого были постоянныя увлеченія чѣмъ нибудь. Этимъ же объясняются частые переходы съ одного факультета на другой. Неудача эта не помѣшала ему однако получить почетное званіе члена Академіи наукъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, предложенное ему за труды по исторіи Отечественной войны 1812 года, такъ художественно описанной въ произведеніи «Война и Миръ».

Про молодость свою самъ Левъ Николаевичъ отзывался вообще, какъ объ рядѣ неудачъ. Тѣмъ не менѣе онъ старался усовершенствоваться, усиленно работалъ надъ со-

бою и въ высшей степени стремился къ добру, нравственной чистотѣ и воздержанію. Борьба эта вызывалась сознаніемъ своей пылкой и страстной натуры. Юношей отъ исповѣди до слѣдующей исповѣди онъ педантично запоминалъ всѣ грѣхи свои, чтобы покаяться на духу, и радовался, если съумѣлъ воздержаться, особенно отъ нарушенія седьмой заповѣди.

Будучи младшимъ изъ братьевъ, онъ повидимому былъ дружнѣе всѣхъ съ самымъ старшимъ братомъ, графомъ Николаемъ Николаевичемъ Толстымъ, нынѣ покойнымъ. Мраморный бюстъ его стоитъ въ кабинетѣ въ Ясной Полянѣ. Покойный тоже обладалъ талантомъ, но смерть отъ чахотки постигла его, когда онъ началъ писательскую дѣятельность. Немногія и небольшія произведенія его разъ или два появлялись въ печати въ Современникѣ. Онъ отличался замѣчательной добротой и необыкновенной разсѣянностью. Однажды онъ пришелъ въ университетъ въ халатѣ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ говорилъ про него, что онъ имѣетъ всѣ достоинства писателя, и не имѣетъ недостатковъ его. Взаимно онъ любилъ младшаго брата, и, по свидѣтельству послѣдняго, оказывалъ на него прекрасное вліяніе. Графъ Николай Николаевичъ служилъ въ артиллеріи на Кавказѣ во время войны съ горцами и сманилъ туда младшаго брата по выходѣ его изъ университета; и Левъ Николаевичъ съ братомъ поѣхалъ юнкеромъ на Кавказъ.

Въ тарантасѣ въ сопровожденіи прислуги они поѣхали изъ Казани на лѣвый флангъ *) вдоль рѣки Волги. Ѣзда

*) Во время войны съ горцами на Кавказѣ наши войска раздѣлялись на два фланга: правый—западный и лѣвый—восточный.

на лошадяхъ скоро наскучила. Они пріобрѣли огромную лодку, уставили въ нее тарантасъ, сѣли и предоставили себя теченію рѣки, занимаясь чтеніемъ и любуясь природой. Путешествіе длилось около трехъ недѣль, пока они пріѣхали въ Астрахань. На нижнемъ теченіи Волги, приставая къ берегамъ, они встрѣчались съ полудикими Калмыками, вѣчно сидящими у костра, потому что въ то время еще большинство изъ нихъ были огнепоклонники.

Левъ Николаевичъ любилъ вспоминать о своемъ пребываніи на Кавказѣ. Богатая природа, чудная охота, которую онъ любилъ почти всю свою жизнь, война съ горцами, все это нравилось молодому писателю и вдохновляло его. Тамъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду онъ написалъ первыя свои произведенія, «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность».

На Кавказѣ съ нимъ былъ слѣдующій эпизодъ, послужившій темою повѣсти его, «Кавказскій плѣнникъ».

Мирной чеченецъ, Содо, съ которымъ Левъ Николаевичъ былъ друженъ, купилъ молодую лошадь и пригласилъ друга проѣхаться съ нимъ изъ крѣпости, гдѣ располагался тогда отрядъ русскаго войска. Съ ними поѣхали верхомъ еще два офицера артиллеріи. Несмотря на запрещенія начальствомъ такихъ поѣздокъ, въ виду ихъ опасности, они ничѣмъ не вооружились, кромѣ шашекъ. Испытавъ свою лошадь, Содо предоставилъ это и другу, а самъ пересѣлъ на его иноходца, который, какъ извѣстно, не умѣетъ скакать. Они были уже въ верстахъ пяти отъ крѣпости. Неожиданно передъ ними показалась группа чеченцевъ человѣкъ въ двадцать. Чеченцы начали выни-

мать ружья изъ чехловъ и раздѣлились на двѣ партіи. Одна партія преслѣдовала двухъ офицеровъ, поскакавшихъ обратно въ крѣпость, и настигла ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ изрубленъ, а другой попался въ плѣнъ. Содо, а за нимъ и Левъ Николаевичъ пустились по другому направленію къ казачьему пикету, расположенному въ одной верстѣ. Гнавшіеся чеченцы уже приближались къ нимъ. Имъ предстояла перспектива лишиться жизни или очутиться въ плѣну, и слѣдовательно сидѣть въ ямѣ, потому что горцы вообще отличаются жестокостью въ обращеніи съ плѣнными. Левъ Николаевичъ, имѣя возможность ускакать на рѣзвой лошади своего друга, не покинулъ его. Содо, подобно всѣмъ горцамъ, никогда не разставался съ ружьемъ, но, какъ на бѣду, оно не было заряжено. Тѣмъ не менѣе онъ нацѣлилъ имъ на преслѣдователей и, угрожая, покрикивалъ на нихъ. Судя по дѣйствіямъ преслѣдовавшихъ, они намѣревались взять въ плѣнъ обоихъ, особенно Содо для мести, а потому не стрѣляли. Обстоятельство это спасло ихъ. Они успѣли приблизиться къ пикету, гдѣ зоркій часовой издали замѣтилъ погоню и сдѣлалъ тревогу. Выѣхавшіе навстрѣчу казаки принудили чеченцевъ прекратить преслѣдованіе.

Содо искренно любилъ своего друга. Однажды онъ воспользовался случаемъ удружить своему кунаку. Какъ то Левъ Николаевичъ проигрался въ карты и вошелъ въ долгъ. Уплатить въ срокъ не было возможности, а извѣстія изъ деревни не оправдали ожидаемой получки денегъ. Это мучило его. Положеніе среди молодежи богатаго юнкера графа Толстаго, не заплатившаго карточный

долгъ въ срокъ, имъ назначенный, для самолюбія его было ужасно. Онъ приходилъ въ отчаяніе и прибѣгнулъ къ молитвѣ. Посланный отъ Содо прервалъ молитву и подалъ письмо. Въ письмѣ было разорванное обязательство. Оказалось, что наканунѣ Содо удачно игралъ въ карты и воспользовался выигрышемъ для подарка другу мучившаго его долга.

Кстати замѣчу, что обычай на Востокѣ дарить имѣетъ гораздо болѣе широкое примѣненіе и болѣе искренній характеръ, чѣмъ въ Европѣ. Наша вѣжливость требуетъ часто отказа отъ подарка, а на Востокѣ отказъ можетъ быть принятъ за тяжкую обиду.

Во время службы на Кавказѣ Левъ Николаевичъ страстно желалъ получить Георгіевскій крестъ и былъ даже къ нему представленъ, но не получилъ его вслѣдствіе личнаго нерасположенія къ нему одного изъ начальниковъ. Эта неудача огорчила его, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнила его взглядъ на храбрость. Онъ пересталъ считать храбрыми тѣхъ, кто лѣзли въ сраженіе и домогались знаковъ отличія. Его идеаломъ храбрости сдѣлалось разумное отношеніе къ опасности. Взглядъ этотъ онъ высказалъ въ своихъ произведеніяхъ. Истинными героями онъ выставилъ добродушнаго и спокойнаго капитана Хлопова въ разсказѣ «Набѣгъ» и скромнаго капитана Тушина въ романѣ «Война и Миръ».

При открытіи Крымской кампаніи Левъ Николаевичъ сначала былъ подъ Силистріею, а по снятіи осады этой крѣпости, перешелъ въ Севастополь, гдѣ между прочимъ пробылъ подъ огнемъ трое сутокъ на четвертомъ бастіонѣ.

Въ Севастополѣ онъ посѣщалъ, какъ близкій родственникъ, домъ своего дяди, главнокомандующаго арміею, князя Горчакова, но отъ службы въ штабѣ отказался, оставаясь въ рядахъ арміи. Предпочтеніе, которое онъ отдавалъ этой службѣ, онъ неоднократно высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, отрицая вліяніе на ходъ войны штабовъ и военныхъ плановъ.

Во время войны Левъ Николаевичъ сложилъ извѣстную пѣснь, начинающуюся словами: «Какъ четвертаго числа насъ нелегкая несла...» Она была извѣстна солдатамъ и они ее пѣли.

Рѣшительно вездѣ Льва Николаевича сопровождалъ его крѣпостной человѣкъ, Алексѣй, извѣстный въ произведеніяхъ его до 1862 года подъ названіемъ Алешки. Въ Севастополѣ онъ носилъ на бастіонъ кушанье своему барину и слѣдовательно тоже подвергался серьезной опасности. Я видѣлъ Алексѣя управляющимъ Ясной Поляны. Онъ былъ моложе своего господина и глубоко ему преданъ. Отъ природы недалекій и несловоохотливый, онъ не умѣлъ разсказать ничего интереснаго изъ жизни своего господина.

Послѣ Крымской войны Левъ Николаевичъ вышелъ въ отставку поручикомъ артиллеріи. Въ промежутокъ времени послѣ отставки до женитьбы въ 1862 году онъ побывалъ въ Петербургѣ, заграницей и на кумысѣ въ Башкирской степи.

Петербургъ ему никогда не нравился. Онъ не могъ ничѣмъ выдвигаться въ высшемъ кругу Петербурга; служебной карьеры разумѣется не домогался, большимъ со-

стояніемъ не владѣлъ, а громкой славы писателя тогда еще не составилось, потому что лучшія произведенія его «Война и Миръ» и «Анна Каренина» еще не существовали. Въ Петербургѣ онъ пробылъ около полугода. Заграницей его болѣе всего интересовали школы и народное образованіе. Всегда предпочитая деревенскую жизнь городской, онъ жилъ большую часть времени въ Ясной Полянѣ, занимаясь своими произведеніями и яснополянской школой. *)

III.

Семейная жизнь графа Льва Николаевича Толстаго за время до 1878 года.

Достаточно познакомиться съ произведеніями Льва Николаевича, чтобы убѣдиться въ его любви къ семейной жизни. По его собственнымъ словамъ онъ мечталъ объ ней еще отрокомъ и молодымъ человѣкомъ.

Свадьба его была 23 сентября 1862 года, когда ему было тридцать четыре года, а женѣ его восемьнадцать лѣтъ.

Съ семьей нашей онъ былъ знакомъ давно, потому что зналъ мою матушку съ дѣтства.

Мой покойный отецъ порицалъ воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; поэтому жена Льва Николаевича получила воспитаніе и образованіе дома, но подвергалась экзамену и удостоена диплома, дающаго права домашней учительницы. Въ дѣвушкахъ она вела дневникъ, пыталась писать повѣсти и обнаруживала способности къ живописи.

---

*) Интересующихся этой замѣчательной школой я отсылаю къ его педагогическимъ статьямъ.

Объясненіе Льва Николаевича съ моей сестрой произошло точно такъ, какъ описанъ въ романѣ «Анна Каренина» разговоръ Кити съ Левинымъ одними начальными буквами сообщаемыхъ другъ другу словъ.

Отъ многихъ, незнавшихъ моего родства съ семьей Льва Николаевича, въ разговорѣ о разсказѣ «Крейцерова Соната», я слышалъ предположеніе что онъ вѣроятно пережилъ то же, что и Позднышевъ, такъ что великій талантъ и правдивая фантазія генія послужили поводомъ къ ложному обвиненію его жены

Въ бытность мою въ Ясной Полянѣ я былъ едва ли не самый ближайшій свидѣтель ихъ семейной жизни. Близость, дружба и взаимная любовь этой четы всегда служили для меня образцомъ и идеаломъ супружескаго счастія. Достаточно упомянуть, что мои покойные родители, подобно всѣмъ родителямъ, всегда недовольные участію своихъ дѣтей, говорили: «Сонѣ лучшаго счастія пожелать нельзя!».

Всю свою жизнь она поклоняется его генію и ему самому, а любовь ея къ мужу безгранична.

Левъ Николаевичъ часто говорилъ, что онъ вполнѣ счастливъ въ семейной жизни и что онъ нашелъ въ ней не только любящую жену и прекрасную мать, но и помощницу въ его литературной дѣятельности. Онъ постоянно посвящалъ ее во всѣ свои писательскіе замыслы, думы и чувства.

Такъ какъ оба они обладаютъ въ высшей степени прямымъ и откровеннымъ характеромъ, мнѣ часто казалось, что имъ извѣстно, что каждый изъ нихъ думаетъ въ данную минуту. Отношенія ихъ видны и ясны даже и для посторонняго.

Помощь ея мужу въ литературныхъ трудахъ навѣрное заслужитъ ей одобреніе потомства.

Подобно людямъ, поклоняющимся какому нибудь драгоцѣнному источнику и охраняющимъ его, такъ обращается жена Льва Николаевича съ нимъ самимъ и его произведеніями. При свойственной всѣмъ геніямъ безпечности трудъ ея не только большой, но и сложный. Замѣчу кстати, что романъ «Война и Миръ» начатъ тотчасъ послѣ женитьбы и написанъ въ теченіи восьми лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени она, исполняя всѣ обязанности матери четырехъ дѣтей, родившихся за это время, а также и хозяйки дома, семь разъ переписала этотъ романъ.

Она одна умѣетъ собрать и привести въ порядокъ всѣ клочки и бумаги, на которыхъ писались дрогоцѣнныя строки. Она одна умѣетъ разобрать его въ высшей степени нечеткій почеркъ и изъ поспѣшно сдѣланныхъ имъ, вмѣсто цѣлыхъ словъ, неясныхъ штриховъ и линеекъ, воспроизвести именно то, что мыслилъ и хотѣлъ написать ея мужъ. Онъ часто самъ удивлялся этому. Она съ примѣрною аккуратностью и бережливостью хранитъ для потомства всѣ рукописи, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ его сочиненій.

Я помню, какъ одновременно съ этимъ трудомъ и съ заботами хозяйки дома, доходившими до подробностей въ кухнѣ, она сама успѣвала кормить, учить и обшивать дѣтей до десятилѣтняго возраста.

Въ настоящее время у Льва Николаевича девять человѣкъ дѣтей, изъ коихъ шесть сыновей; старшій 28-ми, младшій 3-хъ лѣтъ *).

*) Въ 1891 году

Всѣхъ дѣтей, за исключеніемъ второй дочери, вскормила сама мать, такъ что, когда ученіе Льва Николаевича еще не существовало, семья его не отнимала чужихъ матерей.

Впрочемъ послѣ рожденія второй дочери мать заболѣла отъ неосторожности прислуги и была при смерти. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ она всетаки не могла кормить. Когда же она увидѣла, какъ дочь ея кормитъ кормилица, она плакала отъ ревности и безусловно удалила кормилицу, а ребенокъ былъ вскормленъ на рожкѣ. Левъ Николаевичъ находилъ эту ревность естественною и восхищался чадолюбіемъ жены.

Теперь я перейду къ краткому описанію воспитанія, которое Левъ Николаевичъ давалъ своимъ дѣтямъ до созданія имъ своего ученія.

Воспитаніемъ руководилъ онъ самъ, а жена его была исполнителемъ его иниціативы и послушнымъ его орудіемъ.

Взглядъ его на воспитаніе во многомъ зависилъ отъ отношенія его къ произведеніямъ и взглядамъ Ж. Ж. Руссо. Если онъ не придерживался почти всего, что рекомендуется въ «Эмилѣ», то только потому, что жена его не могла выполнить этого, а самъ онъ былъ постоянно занятъ своимъ трудомъ.

Однако ему удалось осуществить нѣкоторыя идеи Руссо. Онъ совѣтовалъ женѣ кормить своихъ дѣтей и не отдавать ихъ кормилицѣ. Въ этомъ онъ встрѣтилъ полную ея отзывчивость. Изъ дѣтской навсегда были изгнаны игрушки. Съ первымъ ребенкомъ были сдѣланы попытки обойтись безъ няньки. Позже, уступая требованіямъ со-

временной жизни, дѣтей поручали нянькамъ, боннамъ и т. п. Но родители всетаки имѣли всегда бдительный и непосредственный надзоръ за дѣтьми и за тѣми, кому они поручались.

Предоставленіе дѣтямъ возможно большей свободы и отсутствіе всякаго насилія вмѣнялись воспитателямъ въ непремѣнную обязанность и руководство при обращеніи съ дѣтьми.

Левъ Николаевичъ находилъ, что принципы эти нигдѣ такъ широко не примѣняются, какъ въ Англіи. Поэтому дѣти его съ трехлѣтняго до восьми и девятилѣтняго возраста поручались молодымъ англичанкамъ, которыя выписывались прямо изъ Англіи.

Первая попытка была удачна. Первая англичанка, пробыла въ семьѣ шесть лѣтъ, и, послѣ замужества, осталась навсегда другомъ всего семейства.

Всѣ усилія родителей были направлены къ тому, чтобы ближе познакомить дѣтей съ природой и развить въ нихъ безбоязненность и любовь къ ея явленіямъ, къ животнымъ и насѣкомымъ.

Левъ Николаевичъ любилъ открывать ребенку его безсиліе въ природѣ и зависимость отъ взрослыхъ, но не съ цѣлью запугать, а открыть ему правду. Это дѣлалось иногда въ формѣ шутки и съ оттѣнкомъ ласки.

Когда дѣти нуждались въ прислугѣ, имъ запрещалось приказывать. Они должны были просить, прибавляя непремѣнно слово: «пожалуста». Для примѣра это дѣлалось самими родителями и прочими въ семьѣ.

Независимо отъ сострадания къ ближнему въ дѣтяхъ старались развить жалость къ животнымъ.

Ложь преслѣдовалась строго и легко могла повлечь за собой наказаніе. Наказаніе очень рѣдко проявлялось въ какихъ нибудь дѣйствіяхъ, напр. заключеніе въ комнатѣ и т. п.; а выражалось преимущественно въ холодномъ обращеніи родителей съ дѣтьми за ихъ проступки. Вообще наказывали только малыхъ. Какъ только замѣчалось раскаяніе, наказаніе немедленно отмѣнялось. У дѣтей никогда не вымогались обѣщанія не повторять проступковъ и просьбы о прощеніи ихъ. Откровенность и довѣріе дѣтей къ родителямъ развивались въ нихъ своевременной лаской.

Всѣмъ этимъ руководили сами родители. Наказаніе дѣтей воспитателямъ безусловно возбранялось.

Весь взрослый персоналъ Ясной Поляны обязанъ былъ помнить, что дѣти могутъ заимствовать все то, что они видятъ и слышатъ. Однако дѣтей не удаляли изъ общества взрослыхъ, если въ то время имъ не слѣдовало итти спать, учиться или т. п.

Поэтому, когда наступало восемь часовъ вечера, и дѣти уходили спать, самъ Левъ Николаевичъ говорилъ: «ну! теперь стало свободнѣе!».

Не утверждая навѣрное, мнѣ помнится, что мать постоянно вела дневникъ о своихъ дѣтяхъ.

Образованіе по крайней мѣрѣ старшихъ, при мнѣ было домашнее.

Первоначальное обученіе русскому языку и музыкѣ давала мать, а ариѳметику преподавалъ самъ Левъ Николаевичъ.

Для обученія иностраннымъ языкамъ, кромѣ англи-

чапокъ, въ мою бытность были разновременно: швейцарецъ, французъ, нѣмецъ и швейцарка. Для другихъ предметовъ приглашались учителя и студенты, которые тоже жили въ Ясной Полянѣ. Для уроковъ музыки пріѣзжалъ учитель изъ гор. Тулы. Послѣ упражненій для развитія пальцевъ, учитель, по настоянію Льва Николаевича, приступалъ непосредственно къ ознакомленію дѣтей съ серьезной музыкой, не считая за таковую даже оперную. Живопись преподавалась только тѣмъ, кто обнаруживалъ наклонности. Заранѣе же старались развить любовь къ рисованію.

Принципъ свободы выбора дѣтьми занятій и непринудительности въ образованіи, высказанный Львомъ Николаевичемъ въ его педагогическихъ статьяхъ, соблюдался только до нѣкоторой степени. Уклоненіе было неизбѣжно.

Несмотря на порицаніе имъ существующихъ программъ, онъ не считалъ себя въ правѣ лишить сыновей возможности впослѣдствіи поступить въ университетъ. Поэтому онъ придерживался гимназической программы. Еще при мнѣ старшій сынъ его ежегодно и успѣшно держалъ экзаменъ въ Тульской классической гимназіи вмѣстѣ со своими сверстниками. Такимъ образомъ онъ былъ дома приготовленъ въ университетъ и поступилъ туда восемьнадцати лѣтъ.

За неуспѣхи въ ученіи дѣтей не наказывали, а за успѣхи поощряли наградами.

Такимъ образомъ принудительность въ образованіи, посторонніе воспитатели и учителя допускались Львомъ Николаевичемъ съ сознательнымъ отступленіемъ отъ его

взгляда, но ради уступки требованіямъ современнаго общества, въ которое онъ готовилъ своихъ дѣтей.

Въ день свадьбы Левъ Николаевичъ уѣхалъ съ женою въ Ясную Поляну. Съ тѣхъ поръ зиму и лѣто они жили тамъ до 1880 года почти безвыѣздно. Въ этотъ промежутокъ времени два лѣта они провели въ своемъ имѣніи въ Самарской губерніи и часть зимы въ Москвѣ, гдѣ жила постоянно наша семья.

Вся жизнь Льва Николаевича въ полномъ смыслѣ слова трудовая. Почти во всѣхъ письмахъ, написанныхъ мнѣ зимою, сестра упоминаетъ: «Мы всѣ очень заняты. Зима наша рабочая пора». Левъ Николаевичъ писалъ преимущественно зимою, въ теченіи цѣлаго дня, а иногда и до поздней ночи. Онъ повидимому не ждалъ вдохновенія и не признавалъ его. Онъ садился ежедневно утромъ за столъ и работалъ. Если онъ не писалъ, то подготовлялся къ писанію изученіемъ источниковъ и матеріаловъ. Иногда передъ работой и послѣ обѣда онъ любилъ читать англійскіе романы. Даже лѣтомъ, когда дѣти пользовались отдыхомъ, и жена упрашивала его отдыхать и не работать, онъ уступалъ просьбѣ не всегда. Въ самомъ добросовѣстномъ труженикѣ я не видалъ такого строгаго отношенія къ праздности, какъ у Льва Николаевича по отношенію къ самому себѣ.

Утромъ онъ приходилъ одѣваться въ свой кабинетъ, гдѣ я спалъ постоянно подъ гравированнымъ портретомъ извѣстнаго философа Артура Шопенгауера. Передъ кофе мы шли вдвоемъ на прогулку или ѣздили верхомъ купаться. Утренній кофе въ Ясной Полянѣ едва ли не са-

мый веселый періодъ дня. Тогда собирались всѣ. Оживленный разговоръ съ шуточками Льва Николаевича и планами на предстоящій день длился довольно долго, пока онъ не встанетъ со словами: «надо работать!» и уходитъ въ особую комнату со стаканомъ крѣпкаго чаю.

Никто не долженъ былъ входить къ нему во время занятій. Даже жена никогда не дѣлала этого. Одно время такою привиллегіею пользовалась старшая дочь его, когда была еще ребенкомъ.

Откровенно говоря, я былъ всегда радъ тѣмъ днямъ, когда онъ не работалъ, потому что весь день находился въ его обществѣ.

Въ мою бытность въ Ясной Полянѣ семью Льва Николаевича посѣщалъ весьма ограниченный кругъ знакомыхъ, не считая родныхъ и его друзей.

Изъ родныхъ постояннымъ посѣтителемъ лѣтомъ была семья моей младшей сестры. Сестра эта описана въ романѣ «Война и Миръ» подъименемъ Наташи Ростовой и всю свою молодость провела въ Ясной Полянѣ. Каждый годъ со своими дѣтьми она поселяется во флигелѣ на все лѣто.

Изъ друзей Льва Николаевича посѣщали: Н. Н. Страховъ, настоящій цѣнитель всѣхъ его произведеній, уже давно ежегодно пріѣзжающій гостить преимущественно лѣтомъ; поэтъ А. А. Ѳетъ, даже упоминавшій въ журналѣ «Русская Старина» о своемъ расположеніи ко Льву Николаевичу, который посѣщаетъ его нѣсколько разъ въ годъ; другъ съ молодости помѣщикъ Д. А. Дьяковъ и математикъ князь С. С. Урусовъ. Этимъ почти исчерпывался тогда контингентъ друзей Льва Николаевича.

Здѣсь кстати упомянуть объ отношеніяхъ съ И. С. Тургеневымъ. Когда впервые появились въ печати произведенія «Дѣтство» и «Отрочество», Иванъ Сергѣевичъ первый распозналъ великій талантъ и высказывалъ это. Между писателями завязалась дружба, которая потомъ прекратилась по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ и отношенія сдѣлались даже враждебными. Въ семидесятыхъ годахъ между ними въ письмахъ состоялось полное примиреніе и И. С. Тургеневъ лѣтомъ посѣтилъ Ясную Поляну и пробылъ одинъ день. Я сопровождалъ Льва Николаевича въ г. Тулу и обратно, когда онъ встрѣчалъ старика и собрата по художеству. За обѣдомъ Иванъ Сергѣевичъ много разсказывалъ и мимически копировалъ не только людей, но и предметы съ необыкновеннымъ искуствомъ; такъ напр. онъ дѣйствіями изображалъ курицу въ супѣ, подсовывая одну руку подъ другую; потомъ представлялъ охотничью собаку въ раздумьѣ и т. д. — Талантъ предка его, современника Петра I, повидимому въ немъ повторился.

Знакомые посѣщали Ясную Поляну очень рѣдко.

Такая замкнутость жизни объяснялась тѣмъ, что Льву Николаевичу нельзя было стѣснять себя пріемомъ гостей при его огромномъ и постоянномъ трудѣ. А при полнотѣ его семейной жизни и при довольно большомъ стеченіи родныхъ, съѣзжавшихся преимущественно лѣтомъ, пріемы эти были не нужны и затруднительны.

Нельзя передать съ достаточной полнотой того веселаго и привлекательнаго настроенія, которое постоянно царило въ Ясной Полянѣ. Источникомъ его былъ всегда

Левъ Николаевичъ. Въ разговорѣ объ отвлеченныхъ вопросахъ, о воспитаніи дѣтей, о внѣшнихъ событіяхъ,—его сужденіе было самое интересное. Въ игрѣ въ крокетъ, въ прогулкѣ онъ оживлялъ всѣхъ своимъ юморомъ и участіемъ, искренно интересуясь игрой и прогулкой. Не было такой простой мысли и самаго простаго дѣйствія, которымъ бы Левъ Николаевичъ не умѣлъ придать интереса и вызвать къ нимъ хорошаго и веселаго отношенія въ окружающихъ.

Вспоминаю игру въ крокетъ Въ ней участвовали всѣ, и взрослые и дѣти. Она начиналась обыкновенно послѣ обѣда и кончалась со свѣчами. Игру эту я и теперь готовъ считать азартною, потому что я игралъ въ нее съ Львомъ Николаевичемъ. Удачно съиграетъ противникъ или кто нибудь изъ его партіи, одобреніе и замѣчанія его вызывали удовольствіе съигравшаго и энергію противниковъ. Ошибется кто нибудь,—его веселая и добрая насмѣшка вознаградитъ промахъ. Простое слово, всегда во время сказанное имъ и его тономъ, поселяло во всѣхъ тотъ entrain, съ которымъ можно весело дѣлать не только интересное, но и то, что безъ него было бы скучно.

Дѣти одинаково дорожили его обществомъ, наперерывъ желали играть съ нимъ въ одной партіи; радовались, когда онъ затѣетъ для нихъ какое нибудь упражненіе. Подчиняясь его вліянію и настроенію, они безъ затрудненія совершали съ нимъ длинныя прогулки, напр. пѣшкомъ въ г. Тулу, что составляетъ около 15 верстъ. Мальчики съ восторгомъ ѣздили съ нимъ на охоту съ борзыми собаками. Всѣ дѣти спѣшили на его зовъ, чтобы

въ нимъ дѣлать шведскую гимнастику, бѣгать, прыгать, что самъ онъ дѣлалъ опять же искренно и весело, а потому и всѣ дѣлали такъ же. Зимою всѣ катались на конькахъ, но съ бо̀льшимъ еще удовольствіемъ расчищали катокъ отъ снѣга, потому что эта инипіатива принадлежала Льву Николаевичу. Не участвуя самъ въ грибномъ спортѣ, очень развитомъ въ Ясной Полянѣ, онъ умѣлъ поощрять къ нему другихъ. Со мной онъ косилъ, вѣялъ, дѣлалъ гимнастику, бѣгалъ на перегонки и изрѣдка игралъ въ чехарду, городки и т. п. Далеко уступая его большой физической силѣ, такъ какъ онъ поднималъ до пяти пудовъ одною рукою, я легко могъ состязаться съ нимъ въ быстротѣ бѣга, но рѣдко обгонялъ его, потому что всегда въ это время смѣялся. Это настроеніе всегда сопровождало наши упражненія. Когда намъ случалось проходить тамъ, гдѣ косили, онъ непремѣнно подойдетъ и попроситъ косу у того, кто казался наиболѣе уставшимъ. Я конечно слѣдовалъ его примѣру. При этомъ онъ всегда объяснялъ мнѣ вопросомъ, отчего мы, несмотря на хорошо развитую мускулатуру, не можемъ косить цѣлую недѣлю подъ рядъ, а крестьянинъ при этомъ еще и спитъ на сырой землѣ и питается однимъ хлѣбомъ? — «Попробуй-ка ты такъ!» заключалъ онъ свой вопросъ.

Уходя съ луга, онъ вытащитъ изъ копны клочекъ сѣна и, восхищаясь запахомъ, нюхаетъ его.

Я живо припоминаю мое любимое упражненіе, которое Левъ Николаевичъ дѣлалъ со мною, когда мнѣ было менѣе двѣнадцати лѣтъ. Я становился ему на плечи, а онъ держалъ меня за ноги. Съ плечъ его я падалъ внизъ

головою, не сгибая корпуса и ногъ, а онъ въ это время слегка приподнималъ меня за ноги, и я качался какъ маятникъ внизъ головой.

Юморъ Льва Николаевича проявлялся удивительно разнообразно. Я приведу нѣкоторыя его шуточныя выраженія и дѣйствія и постараюсь разъяснить ихъ, потому что они имѣютъ чисто семейный и оттого непонятный характеръ.

Вся наша семья худощаваго сложенія, а потому никто изъ насъ не любитъ сидѣть на жесткомъ, затѣмъ однажды мой младшій братъ объявилъ, что онъ приметъ соды, оттого что у него явленія кислотъ въ желудкѣ. Левъ Николаевичъ расхохотался и посовѣтовалъ ему пройти двадцать верстъ пѣшкомъ и съ тѣхъ поръ, когда замѣтитъ въ комъ нибудь изъ насъ неудовольствіе на обстановку и неудобство, скажетъ: «а это Берсовская кислота завелась и сидѣніе безпокойно!» Когда Льву Николаевичу хотѣлось воздержаться напр. отъ повторенія блюда за обѣдомъ, отъ лишней сигары, онъ говорилъ: «когда я буду большой, я буду курить двѣ сигары» или «ѣсть это блюдо два раза».—Когда сестры мои собирались въ городъ за покупками и совѣтовались, что слѣдуетъ сшить себѣ и дѣтямъ, онъ говорилъ: «тамъ дѣйствуютъ четыреста ситчиковъ!—Предпринимая что нибудь въ родѣ поѣздки, онъ въ разговорѣ объ этомъ съ мужемъ моей младшей сестры обыкновенно скажетъ: «а надо узнать, что скажетъ наше начальство»; разумѣя подъ начальствомъ его и свою жену, безъ совѣта или вѣдома которой онъ почти ничего не предпринималъ.—Замѣчая во мнѣ неудовольствіе на что

либо, напр. на погоду, онъ скажетъ: «а у тебя погода дурно себя ведетъ».—Если онъ замѣчалъ притворный тонъ въ комъ нибудь изъ дѣтей, онъ говорилъ: «пожалуйста не миндальничай!».—Случалось я сижу преспокойно и слушаю, какъ онъ говоритъ, а ему что нибудь понадобится. Тогда онъ скажетъ: «ты все ходишь, принеси мнѣ пожалуста то то». За то онъ пріостановитъ свой разсказъ до моего возвращенія, если я жалѣлъ, что не услышу его продолженія. Если я дѣлалъ что-нибудь неудачно, а старательно къ этому приготовлялся, онъ скажетъ: «а ты это дѣлаешь съ инструментомъ».—Ласковый и смѣшной тонъ его, которымъ всегда сопровождались эти шутки, придавали имъ такой добродушный и веселый характеръ, что всѣ потому и смѣялись.—Левъ Николаевичъ любилъ играть въ четыре руки съ своей сестрою, графинею Маріею Николаевною Толстой *). Графиня прекрасно играетъ на роялѣ и поспѣвать за ней было трудно. Тогда онъ шутками заставлялъ сестру смѣяться и этимъ замедлялъ ея игру. Когда же всетаки поспѣть трудно, онъ вдругъ остановится и ко всеобщему удовольствію сниметъ одинъ сапогъ со своей ноги, какъ будто для успѣха игры, и продолжаетъ, приговаривая: «ну! теперь пойдетъ хорошо!»—Но самый шумный восторгъ вызывала «Пумидійская конница». Она заключалась въ томъ, что Левъ Николаевичъ совершенно внезапно вскакивалъ съ мѣста, и, поднявъ одну руку вверхъ и предоставивъ свободу этой кисти, слегка пробѣжитъ по комнатамъ. Всѣ дѣти, а иногда и взрослые, слѣдовали его примѣру съ

*) Мужъ графини дальній ея родственникъ и однофамилецъ.

такою же внезапностью.—Иногда онъ читалъ вслухъ. Я помню, какъ онъ прекрасно прочелъ «Исторію капитана Копѣйкина» Гоголя.

И такъ семейная жизнь Льва Николаевича была слишкомъ полна для того, чтобы искать развлеченія въ посторонних и внѣ его семейнаго круга. Онъ самъ умѣлъ наполнять ее. Напротивъ посторонніе находили много нравственнаго развлеченія въ его семействѣ. Убѣжденіе это сложилось у меня не отъ того, что я былъ молодъ тогда. Всякій, кто бывалъ въ семьѣ его, приходилъ къ тому же заключенію.

Послѣ моего отъѣзда въ Закавказскій край, судя по письмамъ ко мнѣ сестры и ея дѣтей, которые подростали, для нихъ уже кругъ знакомыхъ все болѣе и болѣе расширялся и съ 1880 года семья на зиму уѣзжала въ Москву.

Самъ онъ не любилъ покидать свою семью даже на короткое время. Когда необходимо было ѣхать, преимущественно въ Москву или по дѣламъ печатанія его произведеній или для пріисканія новаго учителя для дѣтей, онъ задолго до поѣздки сѣтовалъ на ея необходимость. Подъѣзжая къ дому при возвращеніи изъ поѣздки или съ охоты, онъ всегда высказывалъ свое волненіе такъ: «только бы дома все было благополучно». По прибытіи онъ смѣшно и подробно разсказывалъ намъ о своей поѣздкѣ.

IV.

Особенности графа Льва Николаевича Толстаго до его ученія.

Вспоминая особенности Льва Николаевича, необходимо упомянуть объ отношеніи его къ произведеніямъ и взгля-

дамъ Ж. Ж. Руссо. Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣли огромное вліяніе на его убѣжденія. Онъ увлекался и зачитывался ими еще въ ранней молодости.

Любовь къ природѣ и къ простотѣ въ связи съ отвращеніемъ къ цивилизаціи всегда была и теперь осталась тождественной чертой этихъ двухъ геніевъ. На разстояніи цѣлаго столѣтія они въ этомъ глубоко другъ другу сочувствуютъ.

Замѣчая красоту природы, мы не всегда этимъ восхищаемся. Левъ Николаевичъ ежедневно похвалитъ день за красоту его и часто прибавитъ: «какъ у Бога много богатствъ! у Него каждый день чѣмъ нибудь отличается отъ другаго!»

Въ произведеніяхъ своихъ онъ пишетъ, что только земледѣлецъ и охотникъ знаютъ природу. А самъ онъ былъ охотникомъ и остался земледѣльцемъ.

Буквально не было такого ненастья, которое бы удержало его отъ прогулки. Случалось онъ чувствовалъ потерю аппетита, но безъ прогулки на чистомъ воздухѣ не проходило ни одного дня. Онъ любилъ всякій моціонъ вообще, верховую ѣзду и гимнастику, но ходьбу въ особенности. Если работа идетъ неуспѣшно или надо разсѣять какую нибудь непріятность, Левъ Николаевичъ идетъ пѣшкомъ. Онъ могъ ходить цѣлый день не уставая. Верхомъ мы часто проводили по десяти и двѣнадцати часовъ сряду. Въ кабинетѣ его лежали чугунныя гири для упражненія, а иногда устраивались приспособленія для гимнастики.

Отвращеніе его къ цивилизаціи выражается главнымъ образомъ въ порицаніи городовъ и городской жизни. Онъ

живалъ въ городахъ, но постоянно жилъ въ деревнѣ, и другой жизни не признавалъ. Когда онъ бывалъ въ городѣ со мною, я былъ свидѣтелемъ того, какъ онъ впадалъ въ уныніе, суетливость и даже раздражительность.

Нападая на роскошь въ обстановкѣ и во всемъ вообще, онъ отрицалъ смыслъ и прелесть комфорта, находя вліяніе его на духъ и организмъ растлѣвающимъ. Обстановка въ Яснополянскомъ домѣ всегда была самая простая.

Неприхотливый и неразборчивый на ѣду, онъ не могъ спать на пружинномъ матрацѣ и не любилъ мягкой постели, и спалъ одно время на кожанной подушкѣ.

Одѣвался всегда въ высшей степени просто, дома не носилъ крахмаленныхъ рубашекъ и такъ называемаго нѣмецкаго платья. Костюмъ его—сѣрая фланелевая, а лѣтомъ парусинная, блуза своеобразнаго фасона, которую умѣла сшить только одна старуха Варвара изъ Яснополянской деревни. Въ этой же блузѣ Левъ Николаевичъ и на портретахъ, написанныхъ художниками Крамскимъ и Рѣпинымъ. Верхнее платье—кафтаны и полушубки изъ самаго простаго матеріала тоже особеннаго покроя, приноровленнаго отнюдь не къ изяществу, а къ ненастью. Поэтому ими часто пользовались домашніе и гости.

Несмотря на простоту одежды, онъ имѣлъ въ ней видъ очень оригинальный. Художникъ Крамской хотѣлъ даже написать портретъ его въ кафтанѣ на лошади.

Левъ Николаевичъ всегда терпѣть не могъ желѣзныхъ дорогъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ часто высказывалъ это отвращеніе. Послѣ ѣзды на желѣзной дорогѣ онъ всегда жаловался на ощущеніе, испытываемое въ ва-

гонѣ. На пути отъ станціи домой онъ сравнитъ желѣзную дорогу съ ѣздой на лошадяхъ и похвалитъ послѣднюю. Онъ отрицалъ въ принципѣ пользу желѣзныхъ дорогъ, особенно для простаго народа, *) и не любилъ напускной вѣжливости кондукторовъ и чуждости, господствующей между пассажирами. Поэтому, какъ бы въ противуположность общему духу, со всѣми въ вагонѣ любилъ заговаривать. Онъ часто ѣздилъ въ третьемъ классѣ и тогда забирался въ тотъ вагонъ, гдѣ сидѣли мужики преимущественно.

Солидарность съ идеями Руссо выразилась еще въ отношеніи Льва Николаевича къ докторамъ и медицинѣ. Въ своихъ произведеніяхъ «Война и Миръ» и «Анна Каренина» онъ взводитъ тяжкія обвиненія на докторовъ, приглашенныхъ для Наташи Ростовой и Кити Щербацкой, утверждая при этомъ, что доктора вообще и въ болѣзняхъ то ничего не понимаютъ. Въ сущности Левъ Николаевичъ, подобно Руссо, не признаетъ медицины, какъ достоянія одного только сословія докторовъ, и желаетъ сдѣлать ее достояніемъ всѣхъ. Изъ этого вытекаетъ его любовь къ народнымъ леченіямъ и повитухамъ. Тѣмъ не менѣе онъ обращался за совѣтами къ профессору Захарьину и исполнялъ ихъ. Однажды при мнѣ онъ даже пилъ минеральныя воды въ Ясной Полянѣ.

Взглядъ Льва Николаевича на правовой порядокъ, не только въ настоящее время, но и прежде, несомнѣнно имѣлъ много общаго со взлядомъ Руссо.

---

*) Смотри педагогическія статьи за 1862 годъ.

Наконецъ, какъ и Руссо, Левъ Николаевичъ стяжалъ себѣ славу талантливаго педагога

Педагогическій геній его я испыталъ на самомъ себѣ. Я помню, какъ онъ совершенно серьезно разсуждалъ со мной обо всѣхъ вопросахъ научныхъ и философскихъ, которые мнѣ только вздумалось ему поставить и, независимо отъ того, въ какомъ я былъ тогда возрастѣ. На все онъ отвѣчалъ просто и ясно и никогда не стѣснялся сказать, что то или другое ему самому непонятно. Бесѣда съ нимъ нерѣдко имѣла характеръ спора, въ который я вступалъ съ нимъ, несмотря на сознаваемую мною огромную разницу между нами. Поэтому легко и пріятно было съ нимъ соглашаться и слѣпо вѣрить всему, что онъ говорилъ.

Левъ Николаевичъ всегда любилъ дѣтей и ихъ общество. Онъ умѣетъ расположить ихъ себѣ, какъ будто у него есть ключи отъ дѣтскаго сердца, которымъ онъ легко и скоро завладѣваетъ. Никто не придумаетъ съ чѣмъ и какъ обратиться къ чужому ребенку;—Левъ Николаевичъ первымъ вопросомъ какъ будто избавитъ ребенка отъ его застѣнчивости и потомъ обращается съ нимъ свободно. Независимо отъ этого, какъ тонкій психологъ, онъ поразительно угадывалъ дѣтскія мысли. Случалось дѣти его прибѣгутъ и сообщаютъ, что у нихъ есть секретъ. Когда они отказывались сообщить секретъ добровольно, отецъ на ухо открывалъ ребенку его секретъ.

—«Ахъ! этотъ папа! какъ онъ узналъ?!» удивлялись они.

Въ педагогическихъ статьяхъ за 1862 годъ онъ нападаетъ на существующую вездѣ систему принудитель-

наго образованія и насилія въ воспитаніи. Всякій кто читалъ статью «Ясполянская школа за Ноябрь и Декабрь 1862 года», можетъ убѣдиться, что принципъ свободы былъ въ этой школѣ осуществленъ на дѣлѣ. Достаточно вспомнить, что въ этой же школѣ крестьянскія дѣти, едва умѣвшія писать, сочиняли повѣсти. Кто, кромѣ великаго педагога, съумѣетъ вызвать изъ нѣдра души такія проявленія?!

Когда наступила пора учить своихъ дѣтей, у Льва Николаевича возродилась и педагогическая дѣятельность. Это было послѣ окончанія романа «Война и Міръ».— Тогда были написаны: Азбука, Разсказы для дѣтей и Ариѳметика.

Въ тѣсной связи съ педагогической дѣятельностью находится и отношеніе его къ простому народу.

Онъ справедливо можетъ назваться другомъ Русскаго народа. Онъ любитъ и знаетъ его съ молодости. Родители его и онъ самъ всегда отличались гуманнымъ обращеніемъ съ мужиками, не говоря уже о насиліи, которое никогда не практиковалось. Я слышалъ это самъ отъ всѣхъ стариковъ въ Ясной Полянѣ. Еще до Манифеста онъ освободилъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, вводилъ Положеніе 19 февраля 1861 года въ качествѣ мироваго посредника и, паралельно съ трудомъ писателя и философа, постоянно былъ занятъ народнымъ образованіемъ. Статьи его по этому поводу перечислять нѣтъ надобности. Дѣти его съ десятилѣтняго возраста учили грамотности крестьянскихъ дѣтей деревни Ясной Поляны, когда жили зимой не въ Москвѣ, а въ имѣніи.

Въ педагогическихъ статьяхъ его неоднократно высказывалось, что нашъ образованный классъ не въ состояніи образовать простаго народа такъ, какъ это нужно народу, потому что видитъ благо народа въ прогрессѣ и цивилизаціи. Поэтому онъ полагалъ создать учителей для народныхъ школъ изъ среды того же народа. Съ этой цѣлью онъ составилъ проэктъ учительской семинаріи, которую предполагалъ устроить въ Ясной Полянѣ, и слѣдить за ея развитіемъ. Все это онъ хотѣлъ привести въ исполненіе въ видѣ опыта при посредствѣ мѣстнаго земства и встрѣтилъ въ немъ полное сочувствіе. Всегда отказываясь прежде отъ участія въ выборахъ и выборной службѣ, на этотъ разъ онъ болтировался и былъ единодушно выбранъ въ члены училищнаго совѣта. Но проэктъ его не былъ одобренъ въ Петербургѣ и тѣмъ закончился этотъ вопросъ. Подробности этого проэкта и причины его неодобренія къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстны. Я помню, что главная цѣль Льва Николаевича въ этомъ дѣлѣ заключалась въ томъ, чтобы будущаго учителя—крестьянина удержать въ той обстановкѣ, въ которой живутъ всѣ крестьяне, и чтобы образованіе не развило въ немъ новыхъ внѣшнихъ потребностей, кромѣ душевныхъ. Во время дѣятельности его по этому поводу въ письмѣ отъ 20 ноября 1874 года изъ Ясной Поляны жена его мнѣ писала:

«.......Наша серьезная зимняя жизнь наладилась. Ле-»
«вочка весь ушелъ въ *народное образованіе* *), школы,»
«учительскія училища т. е., гдѣ будутъ образовывать учи-»

*) Въ письмѣ эти два слова подчеркнуты.

«телей для народныхъ школъ, и все это его занимаетъ съ» «утра до вечера. Я съ недоумѣніемъ смотрю на все это,» «мнѣ жаль его силъ, которыя тратятся на эти занятія,» «а не на писаніе романа, и я не понимаю до какой» «степени полезно это, такъ какъ вся эта дѣятельность» «распространится на маленькій уголокъ Россіи—Крапи-» «венскій уѣздъ.........».

Объ религіозныхъ вѣрованіяхъ Льва Николаевича мнѣ извѣстно едва ли болѣе постороннихъ.

Изъ моихъ описаній его молодости слѣдуетъ заключить, что онъ вѣрилъ тогда такъ, какъ учитъ Православная Церковь, потому что бывалъ у исповѣди и молился. Что же касается до періода женитьбы и послѣ нея, мнѣ извѣстно, что въ исповѣди Левина въ романѣ «Анна Каренина» описана его собственная исповѣдь передъ свадьбой въ Сентябрѣ 1862 года.

Когда мнѣ было отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ, я вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ проникся ученіемъ Церкви и одно время мы оба намѣревались пойти въ монастырь. Левъ Николаевичъ съ удивительной осторожностью относился къ моему увлеченію. Я часто приставалъ къ нему съ вопросами и моими сомнѣніями, но онъ всегда умѣлъ уклониться и не высказывалъ своего мнѣнія, зная, что оно можетъ имѣть на меня огромное вліяніе. Онъ предоставлялъ мнѣ самому переработать мои убѣжденія.

Нѣкоторыя изъ предковъ Льва Николаевича, а въ томъ числѣ и тетушка П. И. Юшкова, удалялись въ концѣ своей жизни въ монастырь*).

*) Будучи въ монастырѣ покойница навѣщала семью Льва Николаевича и въ одно изъ такихъ посѣщеній заболѣла и умерла въ Ясной Полянѣ.

Со Львомъ Николаевичемъ религіозный переворотъ начался въ 1876 году. Тогда онъ сталъ посѣщать церковь, запирался утромъ и вечеромъ въ кабинетѣ, какъ самъ говорилъ, чтобы помолиться Богу. Онъ ходилъ пѣшкомъ въ извѣстный монастырь Оптину-Пустынь. Въ духѣ его замѣчался упадокъ веселаго настроенія и стремленіе къ кротости и смиренію. Въ этомъ фазисѣ его религіозныхъ воззрѣній я съ нимъ разстался. Это было въ Сентябрѣ 1878 года. Сестра писала мнѣ послѣ этого на Кавказъ, что онъ сдѣлался настоящимъ христіаниномъ.

Вотъ что по этому поводу писала мнѣ сестра на Кавказъ въ письмѣ отъ 2 Февраля 1881 года:

«......Еслибъ ты зналъ и слышалъ теперь Лёвочку!»
«онъ много измѣнился. Онъ сталъ христіанинъ самый»
«искренній и твердый. Но онъ посѣдѣлъ, ослабъ здо-»
«ровьемъ и сталъ тише, унылѣе, чѣмъ былъ. Еслибъ ты *те-*»
«*перь* *) послушалъ его слова, вотъ когда вліяніе его было»
«бы успокоительно твоей измученной душѣ ....».

Если Левъ Николаевичъ геніальный человѣкъ и если поэтому душевная жизнь и энергія его шире и сильнѣй, чѣмъ у прочихъ, то спрашивается, какъ велики были его страданія, когда религіозныя сомнѣнія мучили его, и, по его собственнымъ словамъ, едва не довели его до самоубійства? Зная его столько лѣтъ и читая его «Исповѣдь», я ужаснулся, когда предо мною развернулась картина его душевныхъ страданій. Это волненія моря въ сравненіи съ волненіемъ небольшаго пространства воды!

Замѣчательно, что съ началомъ религіознаго переворота

*) Слово это въ письмѣ подчеркнуто.

Левъ Николаевичъ одновременно обновилъ не только надгробные памятники своихъ родителей и родныхъ, но и портреты своихъ предковъ, а также и фамильныя печати. Но видимой связи въ этомъ я не усмотрѣлъ.

Если тщеславіе и гордость свойственны всѣмъ людямъ, то Левъ Николаевичъ имѣетъ право на эту черту больше другихъ.

Въ моемъ присутствіи онъ самъ сознавался въ своей гордости и тщеславіи. Онъ былъ завзятый аристократъ, и хотя всегда любилъ простой народъ, еще болѣе любилъ аристократію. Середина между этими сословіями была ему несимпатична. Когда, послѣ неудачъ въ молодости, онъ пріобрѣлъ громкую славу писателя, онъ высказывалъ, что эта слава величайшая радость и большое счастье для него. По его собственнымъ словамъ, въ немъ было пріятное сознаніе того, что онъ писатель и аристократъ.

Когда до свѣдѣнія его доходило, что кто нибудь изъ его бывшихъ сослуживцевъ или знакомыхъ получилъ важный постъ, сужденіями своими объ этомъ назначеніи онъ напоминалъ сужденія полководца Суворова. Иногда онъ съ насмѣшкой говорилъ, что онъ не заслужилъ генерала отъ артиллеріи, за то сдѣлался генераломъ отъ литературы. Однажды мы ѣхали вдвоемъ на охоту. Я разсказалъ ему, что въ училищѣ правовѣдѣнія произведенія его, особенно «Война и Миръ», читаются у насъ съ большимъ увлеченіемъ и преимущественно передъ другими сочинителями. Онъ съ радостными слезами на глазахъ отвѣчалъ мнѣ, что это очень льститъ его самолюбію, потому что молодые люди лучшіе цѣнители красоты и поэзіи. Тогда

же онъ высказалъ мнѣ свой взглядъ на произведенія Пушкина и на отличіе ихъ отъ его произведеній. Онъ утверждалъ, что лучшія произведенія Пушкина тѣ, которыя написаны прозой. А разница въ ихъ произведеніяхъ между прочими та, что Пушкинъ, описывая художественную подробность, дѣлаетъ это легко и не заботится о томъ, будетъ ли она замѣчена и понята читателемъ; онъ же какъ бы пристанетъ къ читателю съ этою художественною подробностью, пока ясно не растолкуетъ ее.

Левъ Николаевичъ осуждалъ реформы прошлаго царствованія, а особенно нападалъ на господствовавшій тогда либерализмъ и считалъ его ложнымъ.

Къ журналистамъ и критикамъ онъ относился съ оттѣнкомъ презрѣнія и негодовалъ, если ихъ относили къ разряду хотя плохихъ писателей. Онъ находилъ, что печатью злоупотребляютъ, потому что печатаютъ много ненужнаго, неинтереснаго и главное нехудожественнаго. Критическихъ разборовъ своихъ произведеній онъ никогда не читалъ и даже ими не интересовался. Но къ нимъ Левъ Николаевичъ никогда не относилъ истинной и правильной оцѣнки его произведеній почтеннѣйшимъ Н. Н. Страховымъ, совѣтомъ котораго онъ всегда дорожилъ въ сферѣ своего творчества.

Въ эпилогѣ романа «Анна Каренина» есть нападки на русскихъ добровольцевъ, участвовавшихъ въ войнѣ Сербіи противъ Турціи. Поэтому, когда въ редакцію Русскаго Вѣстника, гдѣ печатался этотъ романъ, были присланы рукописи эпилога, покойный М. Н. Катковъ, высказывавшій въ Московскихъ Вѣдомостяхъ противупо-

ложное Льву Николаевичу мнѣніе, возвратилъ рукописи со своими на нихъ поправками, безъ которыхъ отказался напечатать эпилогъ въ своемъ журналѣ. Левъ Николаевичъ пришелъ въ страшное негодованіе за поправки въ его рукописяхъ и говорилъ по этому поводу: «какъ смѣетъ журналистъ передѣлывать хотя одно слово въ моихъ произведеніяхъ!!» — Онъ написалъ Каткову рѣзкое письмо и результатомъ былъ полный разрывъ между ними; а эпилогъ, какъ извѣстно, вышелъ отдѣльной книгой.

Газетъ Левъ Николаевичъ никогда не читалъ и считалъ ихъ безполезными, и даже вредными, если въ нихъ заключались ложныя свѣдѣнія. Со свойственнымъ ему юморомъ онъ иногда пародировалъ тонъ газетныхъ сообщеній, примѣняя ихъ къ своему быту.

Такое же отношеніе его ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ вытекало главнымъ образомъ изъ его собственнаго отношенія къ вопросу объ эксплоатаціи художественныхъ произведеній. Онъ презрительно улыбался, если слышалъ предположеніе, что истинный художникъ творитъ ради денегъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Левинѣ Левъ Николаевичъ описывалъ самаго себя, но это справедливо лишь въ незначительной степени, потому что въ Левинѣ изображены нѣкоторыя черты его. Самъ онъ высказывалъ по этому поводу, что выставилъ Левина простачкомъ, чтобы и этого было достаточно для нагляднаго сравненія хорошей жизни съ безобразіемъ свѣтской жизни въ Москвѣ и Петербургѣ.

Самое ходячее мнѣніе, что талантливые люди любятъ поэтическій безпорядокъ, какъ нельзя больше подходитъ

и къ Льву Николаевичу. Онъ, какъ будто не любитъ аккуратности въ вещахъ, обстановкѣ и вообще во внѣшней жизни. Хотя въ большинствѣ случаевъ онъ признавалъ необходимость быть аккуратнымъ, но часто высказывалъ, что черта эта свойственна преимущественно неглубокимъ натурамъ. Самъ Левъ Николаевичъ просто не умѣлъ, а потому и никогда не пытался приводить свои вещи въ порядокъ. Раздѣваясь, онъ оставлялъ платье и обувь на томъ мѣстѣ, гдѣ снималъ ихъ, и, если онъ въ то время переходилъ съ мѣста на мѣсто, платье его оставалось раскиданнымъ по всей комнатѣ, а иногда и на полу.—Мнѣ казалось, что уложить вещи въ дорогѣ для него стоило большихъ усилій. Сопровождая его, я всегда и охотно дѣлалъ это за него и доставлялъ ему этимъ удовольствіе. Помню однажды мнѣ почему то очень не хотѣлось укладывать его вещи, а онъ замѣтилъ это и, по свойственной ему деликатности, не просилъ меня, и самъ уложилъ свой чемоданъ. Я положительно утверждаю, что умышленно нельзя привести вещи въ такой ужасный безпорядокъ, въ какомъ онѣ были уложены въ чемоданъ Львомъ Николаевичемъ.

Искренность, какъ выдающаяся черта въ характерѣ Льва Николаевича, проявлялась у него даже въ мелочахъ. Случалось мы опоздаемъ на поѣздъ, и, подъѣзжая къ станціи, увидимъ, какъ поѣздъ уже отъѣзжаетъ прочь. Левъ Николаевичъ такъ искренно и громко вскрикнетъ: «ахъ!!! опоздали!!!», что всѣ окружающіе сначала испугаются, а потомъ тотчасъ же вмѣстѣ съ нимъ засмѣются. Искренность подобныхъ его ощущеній невольно передава-

лась окружающимъ. Я помню, какъ кучеръ погналъ во всю мочь лошадей къ станціи благодаря этому восклицанію, хотя очевидно было, что поспѣть къ поѣзду невозможно; а также, кучеръ разсмѣялся, когда Левъ Николаевичъ остановилъ его, сказавъ: «не гони! все равно опоздали!» Точно также онъ ахалъ, а потомъ смѣялся въ игрѣ въ крокетъ, когда сдѣлаетъ важный промахъ, или, когда сидя на креслѣ, вспомнитъ и спохватится о чемъ либо позабытомъ. Если этимъ онъ пугалъ свою жену, то онъ полушуткой всегда прибавитъ: «ну! больше никогда не буду!».

Смѣхъ Льва Николаевича отличается тоже заразительностью. Когда онъ смѣется, голова его пригибается на бокъ и онъ трясется всѣмъ тѣломъ; а въ началѣ смѣха въ голосѣ его слышны высокія ноты.

Я ни въ комъ еще не встрѣчалъ такого уваженія къ чужому сну, какъ у Льва Николаевича. Онъ безусловно не могъ разбудить спящаго и часто поручалъ это сдѣлать мнѣ, когда это было необходимо, напр. въ дорогѣ съ семьей. Правда, — онъ самъ любилъ выспаться, за то онъ даже оберегалъ чужой сонъ. Помню, когда мы поздно ночью засидимся, а прислуга позабудетъ поставить холодный ужинъ на столъ и заснетъ одѣтая. Левъ Николаевичъ ни за что не позволитъ разбудить человѣка и самъ отправляется по буфетамъ за ѣдой и посудой. Онъ дѣлалъ это съ особенной осторожностью и даже украдкою, стараясь сохранить тишину, что придавало этому характеръ веселаго похожденія. Но онъ сердился на меня, если я въ то время, хотя нечаянно напр. посудою надѣлаю шуму.

Левъ Николаевичъ всегда любилъ музыку. Онъ игралъ только на роялѣ и преимущественно изъ серьезной музыки. Онъ часто садился за рояль передъ тѣмъ, какъ работать, вѣроятно для вдохновенія. Кромѣ того онъ всегда аккомпанировалъ моей младшей сестрѣ и очень любилъ ея пѣніе. Я замѣчалъ, что ощущенія, вызываемыя въ немъ музыкой, сопровождались легкой блѣдностью на лицѣ и едва замѣтной гримассой, выражавшей нѣчто похожее на ужасъ. Почти не проходило дня лѣтомъ безъ пѣнія сестры и игры на роялѣ. Изрѣдка пѣли всѣ хоромъ и всегда аккомпанировалъ онъ же.

Левъ Николаевичъ не любилъ фотографію и очень рѣдко снимался, и, когда снимался, самъ уничтожалъ потомъ негативъ. Онъ предпочиталъ самаго плохаго художника самой лучшей фотографіи.

Извѣстному портретисту Крамскому было поручено, если не ошибаюсь, г. Третьяковымъ написать портретъ Льва Николаевича. Знаменитый художникъ тщетно разыскивалъ его фотографію. По скромности онъ не рѣшился просить сеанса, потому что не былъ знакомъ и слышалъ о замкнутой жизни въ Ясной Полянѣ. Тогда онъ поселился въ пяти верстахъ отъ Ясной Поляны, на дачѣ, мимо которой Левъ Николаевичъ проѣзжалъ верхомъ за почтой. Тутъ онъ и возъимѣлъ намѣреніе написать портретъ его въ кафтанѣ на лошади. Вскорѣ все это обнаружилось и онъ былъ любезно приглашенъ въ Ясную Поляну, гдѣ написалъ два одинаковыхъ портрета, изъ коихъ одинъ остался въ семьѣ.

Когда спиритизмъ вошелъ въ моду, Левъ Николаевичъ

посѣтилъ покойнаго профессора химіи, Бутлерова, и приходилъ въ изумленіе отъ вѣрованій его въ спиритизмъ. Вѣроятно это послужило ему темой для комедіи «Плоды просвѣщенія»; а въ романѣ «Анна Каренина» Левинъ осуждаетъ спиритизмъ буквальными выраженіями самаго Льва Николаевича.

Англійская поговорка «аристократъ безъ денегъ есть пролетарій», какъ онъ самъ говорилъ, побуждала его заботиться объ увеличеніи своего состоянія для дѣтей. Въ хозяйствѣ онъ прибѣгалъ къ широкимъ и энергичнымъ мѣрамъ. Онъ завелъ прекрасный породистый скотъ въ большомъ количествѣ, разбилъ яблоновые сады, сдѣлалъ большую посадку лѣса и т. д. Изъ любознательности одно время онъ съ увлеченіемъ занимался пчеловодствомъ. Вообще онъ хозяйничалъ самъ только въ Ясной Полянѣ, а въ другихъ имѣніяхъ всецѣло поручалъ это управляющимъ.

Къ особенностямъ Льва Николаевича относится и любовь его къ охотѣ. Всю свою жизнь до созданія имъ своего ученія онъ былъ страстный охотникъ. Онъ описалъ охоту почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Въ произведеніи «Дѣтство» онъ описалъ, какъ дѣйствительно протравилъ перваго зайца въ своей жизни; а въ дѣтскихъ разсказахъ онъ въ точности передалъ исторію своихъ собакъ, Бульки и Мильтона, подъ настоящими ихъ именами. Кромѣ охоты на кабановъ, дикихъ козъ и фазановъ, въ бытность свою на Кавказѣ онъ предавался своеобразной, но лихой охотѣ на стрепетовъ *). Въ половинѣ августа дичь

*) Стрепетъ—степной тетеревъ.

эта передъ осеннимъ пролетомъ собирается въ огромныя стада и въ это время дѣлается необыкновенно строгою. Даже на повозкѣ и верхомъ стадо не подпускаетъ къ себѣ ближе ста саженей. Онъ отправлялся верхомъ въ степь на лошади, пріученной для этой охоты и, шагомъ объѣзжая вокругъ стада раза два, постепенно съуживалъ кругъ объѣзда и, приблизившись къ стаду саженей на сто, съ мѣста пускался къ нему въ карьеръ съ заряженнымъ ружьемъ на готовѣ. Какъ только дичь поднималась, онъ бросалъ поводья, а лошадь останавливалась, давая возможность стрѣлять.

За любовь къ охотѣ онъ поплатился двумя несчастіями въ своей жизни. Разсказъ «Охота пуще неволи» есть быль, случившаяся съ нимъ до женитьбы. Левъ Николаевичъ лежалъ уже подъ медвѣдицею и былъ спасенъ мужикомъ—охотникомъ, который убилъ на немъ медвѣдицу. Слѣды этого печальнаго происшествія остались въ видѣ шрамовъ на лбу, а шкура медвѣдицы еще сохранилась въ Ясной Полянѣ. Женившись, онъ на медвѣжью охоту пересталъ ѣздить. Другой печальный случай былъ съ нимъ на третій годъ его женатой жизни. Онъ травилъ зайца и скакалъ на кровной англійской лошади. Надо было перескочить черезъ ровъ. Но лошадь оступилась и упала въ ровъ съ сѣдокомъ. Результатомъ былъ вывихъ руки и расколъ кости. Это было въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дома. Сначала онъ шелъ пѣшкомъ, потомъ падалъ, изнемогая отъ боли, и наконецъ приползъ, едва двигаясь, на шоссе, откуда мужикъ привезъ его на деревню, а потомъ уже домой. Это было 16 октября, но на дворѣ лежалъ снѣгъ.

мѣстные врачи нехорошо вправили руку и черезъ мѣсяцъ операція повторилась въ Москвѣ у насъ въ домѣ. Впослѣдствіи рука дѣйствовала правильно. Когда производилась въ Москвѣ операція, несмотря на хлороформированіе, четыре дюжихъ человѣка не могли справиться съ нимъ и его привязали къ столу.

Но самая высокая особенность Льва Николаевича, это любовь и стремленіе къ правдѣ. Онъ высказалъ это въ послѣднихъ словахъ своего произведенія «Севастополь въ Маѣ 1855 года». Всѣмъ извѣстно, что типы и событія, описанные въ его произведеніяхъ, брались преимущественно изъ жизни. Ученіе его, какое бы оно ни было, лучше всего свидѣтельствуетъ о стремленіи его къ истинѣ.

Наконецъ обладая удивительнымъ тактомъ и деликатностью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался мягкостью въ обращеніи. Я никогда не слыхалъ, чтобы онъ когда либо выговаривалъ прислугѣ. Между тѣмъ прислуга всегда глубоко уважала, любила и почему то боялась его. Будучи всю почти жизнь свою страстнымъ охотникомъ, онъ никогда не прибилъ ни лошади ни собаки, по крайней мѣрѣ при мнѣ.

Въ заключеніе этой главы я упомяну о двухъ попыткахъ Льва Николаевича создать историческія произведенія изъ эпохи Петра I и эпохи Декабристовъ.

Первая попытка мнѣ извѣстна изъ трехъ писемъ ко мнѣ моей сестры.

Въ письмѣ изъ Ясной Поляны отъ 19 ноября 1872 года про мужа она пишетъ: «...А теперь у насъ очень,» «очень серьезная жизнь. Весь день въ занятіяхъ. Лёвочка»

«сидитъ, обложенный кучею книгъ, портретовъ, картинъ» «и нахмуренный читаетъ, дѣлаетъ отмѣтки, записываетъ.» «По вечерамъ, когда дѣти ложатся спать, разсказываетъ» «мнѣ свои планы и то, что онъ хочетъ писать; иногда» «разочаровывается, приходитъ въ грустное отчаяніе и ду-» «маетъ, что ничего не выйдетъ, иногда совсѣмъ близокъ,» «къ тому, чтобы работать съ большимъ увлеченіемъ; но» «до сихъ поръ еще нельзя сказать, чтобы онъ писалъ,» а только готовится. Выбралъ онъ время Петра Вели-» каго. ....»

Въ другомъ письмѣ изъ Ясной Поляны отъ 19 декабря» 1872 года о томъ же сестра мнѣ пишетъ: «.. .. Всѣ мы» «очень заняты. Зима—это наша барская рабочая пора,» «и стоитъ она лѣтней мужицкой работы! Лёвочка все» «читаетъ изъ временъ Петра Великаго историческія книги» «и очень интересуется. Записываетъ разные характеры,» «черты, бытъ народа и бояръ, дѣятельность Петра и проч.» «Самъ онъ не знаетъ что будетъ изъ его работы, но мнѣ» «кажется, что онъ напишетъ опять подобную Войнѣ и» «Миръ поэму въ прозѣ, но изъ временъ Петра Вели-» «каго.....»

Въ третьемъ письмѣ изъ Ясной Поляны отъ 23 февраля 1873 года о томъ же сестра мнѣ пишетъ: «...... Лёвочка» «все читаетъ и пытается писать, а иногда жалуется, что» «вдохновенія нѣтъ, а иногда говоритъ, что недостаточно» «подготовленъ, и все больше и больше читаетъ матеріалы» «изъ временъ Петра Великаго.......»

Лѣтомъ 1873 года Левъ Николаевичъ прекратилъ изученіе этой эпохи. Онъ говорилъ, что мнѣніе его о лич-

ности Петра I діаметрально противоположно общему, и вся эпоха эта сдѣлалась ему несимпатичной. Онъ утверждалъ, что личность и дѣятельность Петра I не только не заключали въ себѣ ничего великаго, а напротивъ того всѣ качества его были дурныя. Всѣ такъ называемыя реформы его отнюдь не преслѣдовали государственной пользы, а клонились къ личнымъ его выгодамъ. Вслѣдствіе нерасположенія къ нему сословія бояръ за его нововведенія онъ основалъ городъ Петербургъ только для того, чтобъ удалиться и быть свободнѣе въ своей безнравственной жизни. Сословіе бояръ имѣло тогда большое значеніе и слѣдовательно было для него опасно. Нововведенія и реформы почерпались изъ Саксоніи, гдѣ законы были самые жестокіе того времени, а свобода нравовъ процвѣтала въ высшей степени, что особенно нравилось Петру I. Этимъ объяснялъ Левъ Николаевичъ и дружбу Петра I съ курфирстомъ Саксонскимъ, принадлежавшимъ, къ самымъ безнравственнымъ личностямъ изъ числа коронованныхъ особъ того времени. Близость съ пирожникомъ Меньшиковымъ и бѣглымъ швейцарцемъ Лефортомъ онъ объяснялъ презрительнымъ отвращеніемъ къ Петру I всѣхъ бояръ, среди которыхъ онъ не могъ найти себѣ друзей и товарищей для разгульной жизни. Но болѣе всего онъ возмущался гибелью царевича Алексѣя.

Было ли что либо написано Львомъ Николаевичемъ изъ этой эпохи, мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ всѣ попытки его написать что либо тщательно сохранялись бы его женою. Въ семьѣ и отъ его самаго я не слыхалъ ничего, что давало бы возможность предполагать о суще-

ствованіи чего нибудь законченнаго. А всякое напоминаніе о неудачной попыткѣ было неумѣстно и неделикатно, и исключало возможность поинтересоваться тѣмъ, что можетъ обнаружиться только потомству. Самъ онъ говорилъ иногда, что трудно уловить духъ того времени по отдаленности этой эпохи.

Декабрьскій бунтъ онъ изучалъ при лучшихъ условіяхъ. Онъ пользовался не только тѣмъ, что объ этомъ напечатано, но и множествомъ фамильныхъ записокъ, мемуаровъ и писемъ, которые повѣрялись ему съ условіемъ сохранить семейныя тайны. Зимою 1877—1878 г.г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ осмотрѣть Петропавловскую крѣпость.

Въ семейномъ кругу онъ разсказывалъ, что звуковая азбука, существующая въ мѣстахъ заключенія, впервые создана декабристами. Когда имъ запрещались переговоры и такимъ способомъ, они доходили до такого искусства, что дѣлали это на ходу, напр. стуча палочкой объ заборы, чего стража не замѣчала. Между прочимъ Левъ Николаевичъ со слезами на глазахъ разсказывалъ, какъ одинъ декабристъ, заключенный въ крѣпости, упросилъ смѣнявшагося часоваго купить ему яблоко и далъ послѣднія деньги. Часовой принесъ прелестную корзину фруктовъ и деньги назадъ. Оказалось, что посылалъ это купецъ, когда узналъ о личности заключеннаго. Декабристъ, полковникъ Кавалергардскаго полка, Лунинъ, удивлялъ Льва Николаевича своею несокрушимою энергіею и сарказмомъ. Въ одномъ изъ писемъ съ каторги къ своей сестрѣ, находившейся въ Петербургѣ, онъ осмѣялъ назна-

ченіе министромъ графа Киселева. Письмо разумѣется шло черезъ начальство работъ и содержаніе его сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ. Лупинъ былъ прикованъ къ тачкѣ навсегда. Тѣмъ не менѣе смотритель каторжныхъ работъ, полный маіоръ и нѣмецъ по происхожденію, ежедневно уходилъ съ осмотра работъ, долго смѣясь еще по дорогѣ. Такъ умѣлъ Лунинъ насмѣшить его подъ землею и прикованный къ тачкѣ.

Но вдругъ Левъ Николаевичъ разочаровался и въ этой эпохѣ. Онъ утверждалъ что Декабрьскій бунтъ есть результатъ вліянія Французской аристократіи, большая часть которой эмигрировала въ Россію послѣ французской революціи. Она и воспитывала потомъ всю Русскую аристократію въ качествѣ гувернеровъ. Этимъ объясняется, что многіе изъ декабристовъ были католики. Если все это было привитое и не создано на чисто Русской почвѣ, Левъ Николаевичъ не могъ этому симпатизировать.

Наконецъ въ то время выросъ другой интересъ—къ религіи.

Судя по словамъ моей сестры попытки создать романъ изъ этой эпохи сдѣланы болѣе серьезныя, чѣмъ Петровской, такъ какъ эпоха и бунтъ были несомнѣнно и тщательно изучены.

V

Мои поѣздки съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и его семьею.

Съ тѣхъ поръ, какъ я посѣщалъ Ясную Поляну, ни одной поѣздки Левъ Николаевичъ не сдѣлалъ безъ меня,

кромѣ поѣздокъ въ Москву, въ которыхъ я не могъ принести ему никакой помощи и услуги. За то на охоту съ борзыми и съ ружьемъ онъ бралъ меня, какъ любителя и товарища. Когда онъ шелъ гулять, ѣхалъ верхомъ куда нибудь или ѣздилъ навѣстить своего роднаго брата, который живетъ въ тридцати пяти верстахъ отъ Ясной Поляны, онъ бралъ меня, если не для себя, то для меня, потому что зналъ какое мнѣ доставлялъ этимъ удовольствіе.

Въ 1866 году осенью Левъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью съѣздить и осмотрѣть Бородинское поле, на которомъ происходило знаменитое сраженіе въ 1812 году. Онъ пріѣхалъ одинъ и остановился у насъ. Онъ просилъ отпустить меня съ нимъ. Родители отпустили меня и восторгъ мой былъ неописанный. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ. Мой отецъ предоставилъ Льву Николаевичу свою охотничью коляску и погребецъ. Дорога, не считая десяти верстъ по шоссе отъ города, была по гати *) и Левъ Николаевичъ очень безпокоился за экипажъ. Отъѣхавши нѣсколько станцій, мы намѣревались закусить и тутъ увидѣли, что погребецъ и провизія были забыты; а сохранилась только маленькая корзина съ виноградомъ, которая была поручена мнѣ. Левъ Николаевичъ говорилъ: «мнѣ жаль не то, что мы забыли погребецъ и провизію, а то, что твой отецъ будетъ волноваться и сердиться за это на своего человѣка». На почтовыхъ лошадяхъ мы доѣхали въ одинъ день и остановились около поля сраженія въ монастырѣ, основанномъ въ память войны.

*) Гать—насланныя бревна по болотистой мѣстности.

Два дня Левъ Николаевичъ ходилъ и ѣздилъ по той мѣстности, гдѣ за полстолѣтія до того пало болѣе ста тысячъ человѣкъ, а теперь красуется великолѣпный памятникъ съ золотыми надписями. Онъ дѣлалъ свои замѣтки и рисовалъ планъ сраженія, напечатанный впослѣдствіи въ романѣ «Война и Міръ». Хотя онъ и разсказывалъ мнѣ кой что и объяснялъ гдѣ стоялъ во время сраженія Наполеонъ, а гдѣ Кутузовъ, я не сознавалъ тогда всей важности его работы и съ увлеченіемъ предавался игрѣ съ собаченкой, хозяинъ которой былъ сторожъ памятника. Я помню, что на мѣстѣ и въ пути мы розыскивали стариковъ, еще жившихъ въ эпоху отечественной войны и бывшихъ свидѣтелями сраженія. По дорогѣ въ Бородино намъ сообщили, что сторожъ памятника на Бородинскомъ полѣ былъ участникомъ Бородинской битвы и, какъ заслуженный солдатъ, получилъ это мѣсто. Оказалось, что старикъ скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда. Левъ Николаевичъ досадовалъ. Вообще наши поиски были неудачны. На обратномъ пути на послѣдней станціи намъ попался веселый и старый ямщикъ съ лошадьми огромнаго роста. Когда мы въѣхали на шоссе, онъ мчалъ насъ въ карьеръ, между тѣмъ былъ очень лунный вечеръ, а туманъ былъ такъ силенъ, что такая ѣзда была довольно рискована. Я былъ въ возбужденномъ состояніи, вѣроятно отъ этой ѣзды, и Левъ Николаевичъ, замѣтивъ это, спросилъ меня, чего бы я хотѣлъ въ моей жизни? Я отвѣтилъ: «мнѣ очень жаль, что я не сынъ его». Онъ этому нисколько не удивился вѣроятно потому, что привыкъ къ тому, какъ всѣ дѣти

любили его и сказалъ: «а мнѣ хочется....» и дальше я смутно припоминаю, что желаніе его—быть понятымъ другими, потому что онъ осуждалъ всѣхъ историковъ за невѣрное и внѣшнее описаніе фактовъ, и доказывалъ, что онъ описываетъ эти факты справедливо, потому что угадываетъ внутреннюю ихъ сторону.

Зимой 1869—70 года, послѣ окончанія романа «Война и Міръ», Льву Николаевичу вздумалось изучить древнегреческій языкъ и познакомиться съ классиками. Я достовѣрно знаю, что онъ изучилъ языкъ и познакомился съ произведеніями Геродота въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ прежде греческаго языка совсѣмъ не зналъ. Побывавъ тогда въ Москвѣ, онъ посѣтилъ покойнаго профессора Катковскаго лицея, П. М. Леонтьева, чтобы передать ему свои впечатлѣнія о древнегреческой литературѣ. Леонтьевъ не хотѣлъ вѣрить возможности такого быстраго изученія древняго языка и предложилъ почитать вмѣстѣ съ нимъ à livre ouvert. Въ трехъ случаяхъ между ними произошло разногласіе въ переводѣ. Послѣ уясненія дѣла профессоръ призналъ мнѣніе Льва Николаевича правильнымъ.

Если «Война и Миръ» даетъ ясное представленіе объ эпохѣ Отечественной войны, а «Капитанская дочка» — объ эпохѣ Пугачевскаго бунта, нѣтъ сомнѣнію, что авторы ихъ обладаютъ замѣчательною способностью переноситься въ минувшія времена и событія. Поэтому понятно, что знакомство съ классической литературой перенесло Льва Николаевича въ слишкомъ отдаленныя и чуждыя времена и вызвало въ немъ ничѣмъ повидимому не-

объяснимую, но страшную тоску. Встревоженная жена уговаривала его предпринять что нибудь, чтобы разсѣять тоску. Интересъ къ классикамъ понемногу ослабѣвалъ. Тоска и апатія ко всему порождали слабость Сдѣлалась изнурительная лихорадка. Тогда для возстановленія силъ и энергіи рѣшено было съѣздить на кумысъ.

Еще отецъ Льва Николаевича ѣздилъ въ Башкирскую степь для леченія кумысомъ. Самъ же онъ былъ тамъ незадолго до женитьбы.

Въ началѣ лѣта 1870 года поѣхали мы вдвоемъ въ Николаевскій уѣздъ Самарской губерніи на рѣку и деревню Каралыкъ къ Башкирамъ.

Левъ Николаевичъ никогда не ѣздилъ во второмъ классѣ. Путешествіе это мы совершили въ третьемъ классѣ туда и въ первомъ обратно, какъ по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода, такъ и на пароходѣ по Волгѣ до Самары. Отъ Самары мы ѣхали 120 верстъ на лошадяхъ.

Въ третьемъ классѣ на параходѣ онъ интересовался бытомъ поволжскихъ народностей.

Левъ Николаевичъ обладаетъ замѣчательною способностью сходиться съ незнакомыми пассажирами во всѣхъ классахъ. Когда онъ попадалъ на угрюмыхъ и необщительныхъ незнакомцевъ, онъ всетаки не затруднялся подойти къ нимъ и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, удачно вызывалъ ихъ на разговоръ. Его талантъ психолога и сердце подсказывали ему пріемы и онъ умѣлъ купить незнакомцевъ своимъ участіемъ. Въ двое сутокъ на пароходѣ онъ перезнакомился со всею палубою, не исключая и добро-

душныхъ матросовъ, у которыхъ на носу парохода мы проспали всѣ ночи.

На Каралыкѣ его встрѣтили, какъ стараго знакомаго. Мы поселились въ отдѣльной кочевкѣ, нанятой у муллы, *) который жилъ съ семьей въ другой кочевкѣ рядомъ.

Не всякому въ жизни случалось видѣть кочевку. Она представляетъ собою деревянную клѣтку, имѣющую форму приплюснутаго полушарія. Клѣтка эта покрывается большими войлоками и имѣетъ деревянную росписную дверцу. Полъ замѣняетъ ковыль. Кочевка легко раскладывается и перевозится. Лѣтомъ въ степи жилище это весьма пріятно.

Чтобы лечиться кумысомъ надо, подобно Башкирамъ, употреблять его, какъ исключительную пищу, и при этомъ оставить все мучное, овощи и соль, а ѣсть только мясо.

Само собой разумѣется, что Левъ Николаевичъ приноровился къ этому образу жизни и оттого кумысъ принесъ ему желаемую пользу.

На Каралыкѣ, кромѣ насъ, были еще лечившіеся кумысомъ, но всѣ они точно выдерживали карантинъ или заключеніе въ степи и къ образу жизни кочевниковъ привыкнуть не хотѣли.

Тотчасъ по пріѣздѣ Левъ Николаевичъ со всѣми перезнакомился и разогналъ ихъ уныніе. Старикъ, учитель семинаріи, сталъ прыгать съ нимъ черезъ веревочку; товарищъ прокурора искалъ случая съ нимъ побесѣдовать; а молодой помѣщикъ и охотникъ изъ Владимірской губерніи вполнѣ поддался его вліянію.

*) Мулла—духовное лицо у Магометанъ.

Вскорѣ была предпринята вчетверомъ поѣздка по Башкирскимъ деревнямъ. Мы запаслись подарками и ружьями. Въ дорогѣ мы охотились по озерамъ на утокъ, а останавливались у Башкиръ въ кочевкахъ, гдѣ отдыхали и пили кумысъ. За наши посѣщенія мы отплачивали подарками при удобномъ случаѣ. Въ гостяхъ у Башкиръ Левъ Николаевичъ какъ то вышелъ въ степь изъ кочевки, загдядѣлся на лошадь, отдѣлившуюся изъ табуна, и сказалъ мнѣ: «посмотри какой прекрасный типъ дойной кобылы». Когда черезъ часъ мы уѣзжали, хозяинъ привязалъ похваленую лошадь къ нашей бричкѣ въ подарокъ графу. На обратномъ пути пришлось отдарить за похвалу.

Левъ Николаевичъ находилъ много поэтичнаго въ кочевой и беззаботной жизни Башкиръ. Онъ зналъ ихъ бытъ и обычаи, а они давно знали и любили «графа» и такъ называли его. На Каралыкѣ Льва Николаевича больше всѣхъ развлекалъ шутникъ, худощавый, вертлявый и зажиточный Башкирецъ, Хаджимуратъ, а Русскіе его звали—Михаиломъ Ивановичемъ. Онъ удивительно хорошо игралъ въ шашки и обладалъ несомнѣннымъ юморомъ. Отъ плохаго произношенія Русскаго языка шутки его дѣлались еще смѣшнѣе. Когда въ игрѣ въ шашки требовалось обдумать нѣсколько ходовъ впередъ, онъ значительно поднималъ указательный палецъ ко лбу и приговаривалъ: «большой думить надо!» Это выраженіе заставляло смѣяться всѣхъ окружающихъ, не исключая и Башкиръ; а мы долго потомъ вспоминали его еще въ Ясной Полянѣ.

Въ степи мы прожили ровно шесть недѣль. Въ это

время мы сдѣлали еще одну поѣздку вдвоемъ на Петровскую ярмарку въ г. Бузулукъ за 70 верстъ. Поѣхали мы на одной лошади въ небольшихъ дрогахъ и взяли съ собой запасъ кумыса въ небольшомъ турсукѣ. Ярмарка отличалась пестротой и разнообразіемъ племенъ: Русскіе мужики, Уральскіе казаки, Башкиры и Киргизы. И въ этой толпѣ Левъ Николаевичъ расхаживалъ со свойственной ему любознательностью и со всѣми заговаривалъ. Даже съ пьяными онъ не боялся вступать въ разговоръ. Какой то пьяный мужикъ вздумалъ обнять его отъ избытка добродушія, но строгій и выразительный взглядъ Льва Николаевича остановилъ его. Мужикъ самъ опустилъ свои руки и сказалъ: «нѣтъ! ничаво! нябось!».

Въ Бузулукѣ мы посѣтили старика отшельника, который жилъ около монастыря въ пещерѣ. Левъ Николаевичъ только внимательно слушалъ старика, говорившаго исключительно о священномъ писаніи, но самъ не говорилъ и впечатлѣніе свое мнѣ не передавалъ по причинѣ, которую я объяснилъ уже выше.

Наконецъ въ бытность нашу въ степи онъ интересовался сектою молоканъ, а особенно ихъ наставникомъ, старикомъ Аггѣемъ. Вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ села Патровки онъ вступалъ въ споръ съ противникомъ Православія. Ему больше хотѣлось познакомиться съ ученіемъ секты, чѣмъ отстаивать Православіе, а потому онъ и старался вызвать старика на разсужденія.

Домой въ Ясную Поляну я съ торжествомъ привезъ большіе греческіе лексиконы, переложенные дикими и необыкновенно ароматичными цвѣтами Самарской сте-

пи, доказывавшими, что лексиконы на кумысѣ не были въ употребленіи, потому что классики наконецъ утратили интересъ.

По возвращеніи домой Левъ Николаевичъ, вспоминая Башкиръ, заинтересовался ихъ религіею и прочелъ Коранъ на французскомъ языкѣ.

Н кумысѣ Левъ Николаевичъ высмотрѣлъ продававшееся тамъ имѣніе и въ слѣдующемъ году купилъ двѣ тысячи десятинъ земли. Туда былъ посланъ Яснополянскій крестьянинъ для хозяйства и постановки хутора; а черезъ два года мы всей семьей поѣхали туда провести лѣто.

На это лѣто въ имѣніе былъ приглашенъ за плату Башкиръ изъ той же деревни Каралыка съ табуномъ дойныхъ матокъ. Онъ привезъ свою жену и кочевку въ небольшой телѣжкѣ, а работникъ его пригналъ табунъ нашихъ кормилицъ съ ихъ жеребятами, которыхъ на цѣлый день обыкновенно привязывали такъ, чтобы они не могли сосать, и только на ночь отвязывали ихъ на свободу.

Старикъ Башкирецъ, Мухамедъ-Шахъ, а по отечеству и по русски Романовичъ, отличался степенностью, вѣжливостью въ обращеніи и аккуратностью; а потому выборъ Льва Николаевича палъ на него между всѣми Башкирами деревни Каралыка. Кочевка его внутри отличалась чистотой и изяществомъ и всѣ мы ходили къ нему не только пить кумысъ, но посидѣть и побесѣдовать. По серединѣ кочевки на землѣ лежалъ коверъ, а на немъ подушки; съ боку стоялъ небольшой столъ съ двумя стульями. Все это предназначалось для насъ. На рѣшетчатой стѣнѣ висѣло разукрашенное сѣдло. Одинъ бокъ кочевки былъ

занавѣшенъ яркимъ ситцемъ со сборчатой оторочкой и за этой занавѣской скрывалась его жена, когда появлялись мужчины. Оттуда она подсовывала турсучекъ съ кумысомъ и деревянную посуду. Левъ Николаевичъ шуткой называлъ кочевку нашимъ салономъ. Романовичъ, какъ мы звали его, былъ всегда радъ нашимъ посѣщеніямъ, потому что, подобно всѣмъ зажиточнымъ Башкирамъ, никогда и ничѣмъ не занимался. Кумысъ мы пили всѣ, кому онъ нравился.

Въ этомъ году въ имѣніи была сдѣлана первая и большая запашка, но былъ неурожай и голодъ, извѣстный тогда подъ названіемъ Самарскаго. Картина была въ высшей степени грустная. Левъ Николаевичъ, по свойственной ему сердечности и предпріимчивости, принялъ участіе въ голодающихъ и былъ иниціаторомъ всѣхъ сдѣланныхъ въ Россіи пожертвованій на этотъ предметъ. Онъ отправился въ двѣ ближайшія деревни, взялъ меня съ собой и сдѣлалъ опись, т. е. перечень всего находящагося на лицо въ крестьянскомъ дворѣ хлѣба и вообще имущества, а я писалъ подъ его диктовку. Описывался черезъ два двора третій. Несчастные наперерывъ просили описать ихъ дворы, предполагая, что только описанные дворы получатъ помощь. Когда опись была готова, Левъ Николаевичъ написалъ статью, рисующую ужасную картину голода. Все это было послано въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей со ста рублями перваго пожертвованія отъ иниціатора этого добраго дѣла.

Во второй разъ мы ѣздили въ Самарское имѣніе опять всей семьей лѣтомъ 1878 года. Тогда къ прежнему имѣнію

было прикуплено другое, смежное, въ четыре тысячи десятинъ. Опять явился Романовичъ со своимъ табуномъ и салономъ. Кромѣ его кочевки была пріобрѣтена своя кочевка, въ которой каждый изъ насъ желалъ поселиться. Въ этомъ году урожай былъ средній, но послѣ нѣсколькихъ плохихъ годовъ и это было отрадно. Новизна и особенности степнаго хозяйства очень занимали Льва Николаевича. Мы принимали непосредственное участіе въ уборкѣ хлѣба; сами вѣяли и удивлялись на тамошній первобытный способъ молотьбы. Онъ заключается въ томъ, что изъ лошадей составлялся кругъ, причемъ онѣ связывались въ кругъ головой къ хвосту; а въ серединѣ круга становился погоньщикъ съ длиннымъ кнутомъ. Лошади пускались рысью и вытаптывали зерно изъ сноповъ, разставленныхъ въ такой же кругъ. Пахота никогда не паханной или крѣпкой земли (какъ ее называютъ мѣстные мужики) посредствомъ пяти и даже шести паръ воловъ, у которыхъ на шеяхъ звонятъ басистые бубенцы въ минорномъ тонѣ; игра на дудочкахъ погоньщиковъ-мальчиковъ; знойные дни и необыкновенно ясныя лунныя ночи— все это имѣло новую прелесть для насъ и вѣроятно еще и потому, что во всемъ этомъ Левъ Николаевичъ умѣлъ находить красивыя и хорошія стороны и обращалъ на нихъ наше вниманіе. Мы ѣздили на базары нанимать жнецовъ, были также въ Оренбургѣ на мѣновомъ дворѣ для закупки скота и лошадей и въ это лѣто вообще всѣ вникали въ новое хозяйство съ большимъ интересомъ. Въ новомъ имѣніи Левъ Николаевичъ устроилъ конный заводъ. Онъ накупилъ около сотни башкирскихъ матокъ

и, разсчитывая на обиліе ихъ молока, скрещивалъ ихъ съ рысистой, верховой англійской и другими породами, въ надеждѣ получить новый типъ хорошихъ лошадей. Но нашъ табунъ, а также и Романовича, едва не былъ угнанъ проѣзжими Киргизами. Извѣстіе это принесъ кучеръ поздно вечеромъ, когда мы сидѣли на балконѣ. Сестра, услыхавъ это, заплакала; а мы отправились въ степь, и вскорѣ узнали, что Киргизы были преслѣдуемы и прогнаны двумя конными же работниками изъ Башкиръ. Земледѣліе въ Самарской губерніи Левъ Николаевичъ сравнивалъ съ азартной игрой, потому что обработка непаханной земли съ жнитвомъ и посѣвомъ обходилась почти втрое дороже той цѣны, за которую та же земля была куплена въ собственность. Между тѣмъ, если въ Маѣ или въ Іюнѣ не прошло ни одного хорошаго дождя, все пропадало, а, если прошло нѣсколько дождей, урожай достигалъ до самъ тридцати и даже сорока.

Во время жатвы вблизи отъ нашего хутора помѣщалась въ маленькомъ шалашѣ семья бѣднаго и прохожаго татарина. Молодой бѣднякъ съ женою, привезъ двухъ малыхъ дѣтей въ крошечной тележкѣ прямо къ нашему балкону и просилъ нанять его для жнитва. Ему предоставлено было поле возлѣ самаго дома, гдѣ онъ и поселился въ шалашѣ и работалъ. Дѣти Льва Николаевича ежедневно бѣгали къ шалашу и угощали малютокъ.

Въ сосѣднихъ деревняхъ у Льва Николаевича было нѣсколько знакомыхъ мужиковъ, преимущественно зажиточныхъ, но они нисколько не утратили простоты въ обращеніи и одеждѣ, причемъ въ нихъ нисколько не проявв-

лялось и того подобострастія, которое существуетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ было крѣпостное право. Напр. они здоровались, протягивая руку, и вообще держали себя очень хорошо и достойно. Я лично больше приписывалъ это такту Льва Николаевича и умѣнію его такъ повліять на каждаго человѣка, хотя нельзя отрицать и того, что достатокъ и свобода имѣли тоже вліяніе.

Льву Николаевичу очень нравились отношенія между мѣстными крестьянами и магометанами. Взаимная вѣротерпимость и очень часто дружба между этими разными по вѣроисповѣданіямъ лицами дѣйствительно свидѣтельствовали о свободѣ, въ которой долго жило все тамошнее населеніе.

Воспоминаніе объ этомъ лѣтѣ соединяется съ воспоминаніемъ о священникѣ Патровской церкви, достойномъ самой лучшей похвалы. Почтенный пастырь, еще молодой и очень симпатичный, до такой степени гуманно и энергично боролся съ сектою молоканъ, что эти послѣдніе въ лицѣ самыхъ отъявленныхъ противниковъ Православія питали къ нему искреннее расположеніе. Они даже посѣщали домъ его, гдѣ онъ убѣждалъ ихъ въ ложности ихъ вѣроученія. Левъ Николаевичъ съ большимъ интересомъ относился къ этимъ бесѣдамъ и часто посѣщалъ священника.

Однажды мы тамъ засидѣлись и выѣхали, когда уже было темно. Выѣзжая изъ села Патровки при раздвоеніи дороги мы попали, какъ оказалось потомъ, не на ту дорогу. Пошелъ дождь и было до того темно, что ѣхавши верхомъ, не видно было головы у своей лошади. Мы

совсѣмъ сбились съ дороги и не знали, что дѣлать. Левъ Николаевичъ былъ на молодой киргизской лошади, а я на старой рабочей лошадкѣ, которую выбралъ благодаря быстрой и спокойной иноходи. Лѣнивая лошадь упорно тянулась влѣво. Левъ Николаевичъ обрадовался этой новости и велѣлъ мнѣ пустить лошадь свободно. Я привязалъ поводья къ лукѣ и завернулся въ кафтанъ отъ проливнаго дождя. Лошадь аккуратно обходила всѣ вспаханныя мѣста и вскорѣ вышла на дорогу и притомъ на тотъ пунктъ, который по своимъ особенностямъ отличался отъ всей остальной чрезвычайно однообразной дороги, какъ будто лошадь сама хотѣла убѣдиться въ правильности принятаго ею направленія. Съ этого пункта мы весело разговаривали подъ дождемъ о молоканахъ и черезъ часъ были уже дома.

Въ это же лѣто Левъ Николаевичъ устроилъ у себя замѣчательное зрѣлище. Черезъ Мухамедъ-Шаха Романовича было разглашено, что графъ Толстой устраиваетъ у себя въ имѣніи скачку на 50 верстъ. Всѣ мѣстныя и окрестныя національности, башкиры, киргизы, уральскіе казаки и русскіе мужики—всѣ чрезвычайно любятъ скаковой спортъ. Независимо отъ этого Левъ Николаевичъ заготовилъ призы: быка, лошадь, ружье, часы, халаты и т. п., и объ этомъ разглашалось вмѣстѣ съ приглашеніями на скачки. Мы сами выбрали ровную мѣстность, опахали и измѣрили огромный кругъ въ пять верстъ длиною и на немъ разставили знаки. Для угощенія были заготовлены бараны и даже одна лошадь. Къ назначенному дню съѣхалось нѣсколько тысячъ народу. Башкиры и киргизы

пріѣхали съ своими кочевками, кумысомъ, котлами и даже баранами. Дикая степь, покрытая ковылемъ, уставилась рядомъ кочевокъ и оживилась пестрой толпой. На коническомъ возвышеніи, называемомъ по мѣстному шишка, были разосланы ковры и войлоки и на нихъ кружкомъ разсѣлись башкиры съ поджатыми подъ себя ногами. Въ серединѣ кружка изъ большаго турсука молодой башкиръ разливалъ кумысъ и подавалъ чашку по очереди сидѣвшимъ. Это шла круговая. Пѣсни, игра на дудкѣ и на горлѣ звучали грустно и заунывно для слуха европейца. Тутъ же любители состязались въ борьбѣ. Башкирцы особенно искусные борцы. Глядя на все это, я представлялъ себѣ татарское иго, тяготѣвшее въ Россіи.

Желавшіе участвовать въ скачкахъ привели тридцать лошадей, заранѣе тренированныхъ. Сѣдоками были мальчики лѣтъ десяти безъ сѣделъ. Скачка въ 50 верстъ продолжалась одинъ часъ и сорокъ минутъ; слѣдовательно каждую версту проскакали въ двѣ минуты. Гувернеръ швейцарецъ наблюдалъ за часами. Изъ тридцати лошадей прискакало десять, остальныя стали. Пиръ длился два дня и отличался замѣчательной чинностью, порядкомъ и оживленіемъ. Къ удовольствію Льва Николаевича не было никого изъ полиціи. Всѣ гости учтиво поблагодарили хозяина—графа и разъѣхались очень довольные.

Даже въ толпѣ, мнѣ кажется, Левъ Николаевичъ умѣлъ поселить entrain и уваженіе къ благопристойности.

Это было послѣднее лѣто, которымъ кончались мои каникулы. Я поступалъ на службу. Когда Левъ Николаевичъ услыхалъ, что я ѣду служить въ Закавказскій край, онъ сказалъ мнѣ: «ты опоздалъ на Кавказъ!».

Предчувствуя длинную разлуку съ тѣмъ, кого я привыкъ такъ сильно любить, и, отрываясь отъ семьи, въ которой провелъ самые счастливые годы, я безъ всякой видимой причины заболѣлъ и слегъ. Чуткій и сердечный виновникъ моихъ счастливыхъ дней, а теперь и огорченія, понималъ въ чемъ дѣло и старался меня утѣшить и даже провелъ нѣсколько часовъ у моей постели. Онъ совѣтовалъ мнѣ не создавать себѣ въ чужихъ краяхъ никакихъ требованій, а примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ и относиться къ нимъ съ любовью и интересомъ, и за это обѣщалъ много новыхъ удовольствій. Желая предрасположить меня къ тому, что меня ожидаетъ, онъ самъ прочелъ мнѣ чьи то воспоминанія о Закавказскомъ краѣ.

11 сентября 1878 года я простился и уѣхалъ....

Всякій, кто познакомится съ моими воспоминаніями о Львѣ Николаевичѣ, самъ увидитъ, что жизнь этого замѣчательнаго человѣка самая прекрасная.

Многіе подумаютъ, что я умолчалъ конечно о томъ, что было бы не въ пользу его. Но это предположеніе невѣрно, потому что даже нѣтъ ничего такого, что приходилось бы скрывать отъ постороннихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что умственная и внѣшняя жизнь Льва Николаевича уже приближалась во многомъ къ жизни его въ настоящее время. На этой почвѣ легко могло вырости его ученіе.

Гуманное отношеніе къ простому народу; порицаніе цивилизаціи; скромность въ обстановкѣ и физическихъ потребностяхъ; примѣрная семейная жизнь; высокогуман-

ные педагогическіе принципы; любовь къ правдѣ и труду; стремленіе къ истинѣ; самоусовершенствованіе, не прекращавшееся всю его жизнь; общительность и уваженіе вмѣстѣ съ несомнѣнной любовью къ ближнему и наконецъ отвращеніе къ насилію;—всѣ эти высокія черты этого настоящаго генія подготовили его ученіе и устраняли кажущуюся неожиданность и экцентричность его появленія.

VI.

Перемѣна, происшедшая въ личности Льва Николаевича Толстаго.

Прошло девять лѣтъ. Я успѣлъ свыкнуться съ разлукой и очень рѣдко переписывался съ Ясной Поляной.

А тамъ въ этотъ промежутокъ времени постепенно назрѣвалъ общечеловѣческій вопросъ.

Побывавъ на двухъ окрайнахъ Европейской Россіи, я лѣтомъ 1887 года вернулся повидать родныхъ и родину—Москву, а въ началѣ Августа того же года былъ уже въ Ясной Полянѣ.

Я пріѣхалъ почти накапунѣ созданія Крейцеровой Сонаты, и, слѣдовательно, къ окончательному уясненію всего ученія.

Сестра, съ счастливой и гордой улыбкой матери, смотрѣла, какъ дѣти ея шумно сбѣгались ко мнѣ навстрѣчу и ласково спрашивала меня: «а этого узналъ? а этотъ переросъ тебя!» Но Левъ Николаевичъ еще не выходилъ и я спросилъ про него. Нѣсколько минутъ спустя отворилась дверь изъ его кабинета и онъ вышелъ ко мнѣ

въ переднюю, гдѣ происходила встрѣча. Ласковый, а вмѣстѣ и серьезный тонъ его встрѣчи, какъ будто давалъ мнѣ чувствовать, что радость моя велика теперь, но истинныя радости вовсе не эти.

За девять лѣтъ онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ въ мѣру, а потому это не бросалось въ глаза. За то на лицѣ его были самые несомнѣнные слѣды пережитыхъ серьезныхъ душевныхъ страданій. Спокойный, но печальный взглядъ его былъ для меня совершенно новый. Я помню его прежнее лицо. Теперь же оно произвело на меня впечатлѣніе, очень похожее на то, какое я вынесъ, прочтя его «Исповѣдь».

Я прожилъ въ Ясной Полянѣ около двухъ мѣсяцевъ и въ это время познакомился съ ученіемъ Льва Николаевича; видѣлъ, какъ близкіе его относятся къ этому ученію и какъ живетъ теперь онъ самъ и его семейство.

Все это я постараюсь передать въ этой главѣ моихъ воспоминаній.

Ученіе Льва Николаевича породило весьма разнообразное отношеніе постороннихъ къ нему самому и къ ученію.

Я узналъ, что ему писали со всѣхъ концовъ міра, и поклонники и противники. Если поклонники писали, чтобъ подѣлиться мыслями и чувствами со своимъ учителемъ, я недоумѣвалъ, зачѣмъ писали къ нему противники. Не читавши ни одного изъ писемъ, я узналъ, что они писали только для того, чтобы высказать Льву Николаевичу свое озлобленіе на него. Онъ относился, какъ самъ говорилъ, съ сожалѣніемъ къ этимъ противникамъ

и объяснялъ, что это происходитъ отъ ихъ невѣдѣнія, и что, еслибы они поняли его ученіе, то не сердились бы.

Къ удивленію моему я не встрѣчалъ еще никого, кто бы правильно формулировалъ ученіе Льва Николаевича. Даже такъ называемые толстовцы и тѣ повидимому не вполнѣ поняли его.

Въ основаніи всего ученія лежитъ Евангельская истина «любовь къ ближнему».

На ней построено все ученіе, сводящееся къ тремъ главнымъ правиламъ или принципамъ.

Правила эти предлагаются Львомъ Николаевичемъ для блага и развитія человѣчества, и уклоненіе отъ нихъ, по его мнѣнію, должно повести къ нравственной гибели людей, и, слѣдовательно къ страданіямъ.... ....

Не позволяя себѣ вдаваться вообще въ анализъ и оцѣнку ученія, такъ какъ это не касается моихъ воспоминаній, я остановлюсь здѣсь только на женскомъ вопросѣ, имѣя въ виду разъясненія самого Льва Николаевича.

Въ «Крейцеровой Сонатѣ» выражено, что по понятіямъ современнаго общества мущинѣ до брака, а даже и во время брака, если жена его постарѣла, позволительно быть многоженцемъ; но отъ женщины продолжаютъ требовать чистоту и цѣломудріе.

Такое неравенство есть порабощеніе женщины ради физическихъ удовольствій мущины.

Порабощеніе женщины въ современномъ обществѣ выражается въ томъ, что чистую и невинную дѣвушку какъ будто продаютъ на балахъ, если не износившемуся, и слѣдовательно испорченному, то уже не невинному, молодо-

му человѣку и считаютъ за честь, если онъ возьметъ эту дѣвушку себѣ въ жены, лишь бы она не оставалась цѣломудренною, т. е. въ дѣвицахъ. Его стараются прельстить нескромнымъ костюмомъ декольтэ, ему предоставляютъ инициативу въ выборѣ себѣ жены и т. д.; словомъ женщину унижаютъ для физическихъ наслажденій мущины.

Порабощеніе мущины выражается въ томъ, что девять десятыхъ всѣхъ фабрикъ въ мірѣ работаютъ только одни украшенія для женщинъ.

Независимо отъ взаимнаго порабощенія половъ, отъ ихъ неравенства и борьбы происходитъ, что всѣ браки несчастливы. Эта мысль описывается въ исторіи всѣхъ повидимому безпричинныхъ ссоръ между Позднышевымъ и его женой; а причина настоящая—униженіе женщины; а отсюда и ненормальныя отношенія между супругами.

Въ своемъ художественномъ размахѣ Левъ Николаевичъ рисуетъ въ разсказѣ «Крейцерова Соната» весь семейный современный строй, находя его безобразнымъ, опять же благодаря униженію женщины.

Когда въ шестидесятыхъ годахъ съ вѣяніемъ либерализма у насъ возникъ и женскій вопросъ, онъ былъ разрѣшенъ, по мнѣнію Льва Николаевича, совсѣмъ не съ цѣлью сравнять женщину и мужчину. Женщину старались провозгласить равной тѣмъ, что совали ей шаръ на выборахъ, дѣлали ее врачемъ, привлекали ее на службу, предоставляли ей полную свободу во всемъ, словомъ въ сущности вырывали ее изъ семьи и толкали въ пучину разврата, въ которомъ находится мущина; и, слѣдовательно, равенства ея съ мущиной домогались въ безнравственномъ

смыслѣ, т. е., по словамъ Льва Николаевича, отъ того, что мущина свободенъ развратничать, предоставляли ту же свободу развратничать и женщинѣ.

Этотъ взглядъ описанъ устами адвоката и его спутницы въ вагонѣ. Они говорятъ Позднышеву, адвокатъ,— что все зависитъ отъ неправильнаго взгляда на разводъ; а спутница его,—что женщина свободна въ выборѣ мущины, руководствуясь однимъ чувствомъ половой любви.

Чтобы оттѣнить всю несостоятельность этого взгляда, тутъ же въ вагонѣ подставленъ купецъ со старыми взглядами на женскій вопросъ, который, допуская по прежнему безнравственность мущины, т. е. позволяя себѣ гулять въ Купавинѣ съ красотками, не позволяетъ того же и женѣ. Очевидно, что онъ, по мнѣнію Льва Николаевича, менѣе отступаетъ отъ истины, чѣмъ адвокатъ и его спутница.

Итакъ для полнаго и дѣйствительнаго равенства мущины и женщины Левъ Николаевичъ требуетъ не паденія женщины, а возвышенія мущины. Онъ требуетъ, чтобы мущина былъ цѣломудренный до брака, подобно женщинѣ, и оставался потомъ единоженцемъ.

Для того, чтобы доказать правильность этого принципа, Левъ Николаевичъ въ разсказѣ «Крейцерова Соната» высказалъ, что идеаломъ для человѣчества должна быть чистота и цѣломудріе вообще и справедливость такого взгляда онъ основываетъ на томъ ощущеніи грусти, которое испытывается всякимъ при потерѣ невинности.

По мнѣнію его, выраженному въ томъ же разсказѣ, недостаточно выполнить цѣломудріе до брака и единожен-

ство въ бракѣ. Для выполненія этого и для стремленія къ поставленному имъ идеалу необходимо устранить все то, что народилось борьбою отъ неравенства половъ. Для этого обычай разодѣвать женщину съ цѣлью привлечь мущину долженъ быть оставленъ. Кокетство ея, сдѣлавшееся уже врожденнымъ, надо искоренять воспитаніемъ и т. д словомъ во всемъ общественномъ строѣ слѣдуетъ устранить все то, что раздражаетъ половыя побужденія и инстинкты и возбуждаетъ нескромную фантазію. Тогда только явится и сдѣлается дѣйствительное и полное равенство обоихъ половъ и тогда только само собой устранится неравенство и въ сферѣ отвлеченной дѣятельности.

Теперь я коснусь перемѣны, происшедшей во Львѣ Николаевичѣ послѣ созданія имъ его ученія.

Только геніальная личность можетъ такъ измѣниться, какъ измѣнился Левъ Николаевичъ. Перемѣна всей его личности, происшедшая за послѣднее десятилѣтіе, въ настоящемъ смыслѣ слова полная и коренная. Измѣнилась не только его жизнь и отношеніе ко всѣмъ людямъ и ко всему живому, но измѣнилась и вся мыслительная его дѣятельность. Если остались прежніе взгляды, напр. нападки на прогрессъ и цивилизацію, подкладка этихъ убѣжденій сдѣлалась совсѣмъ другая.

Весь Левъ Николаевичъ сдѣлался олицетворенною идеею любви къ ближнему и, если допустить такой парадоксъ, то скажу, что ошибки его въ смыслѣ отступленія отъ своихъ же взглядовъ, совершаются имъ ради той же идеи; какъ напр., когда онъ рѣзко порицаетъ кого либо за проступокъ.

Такъ какъ въ основаніи его ученія лежитъ идея любви къ ближнему, та же идея служитъ теперь основаніемъ и отдѣльныхъ его убѣжденій.

Я постараюсь указать на нѣкоторыя теперешнія его воззрѣнія и на примѣненіе имъ этихъ воззрѣній къ жизни вообще и къ его обстановкѣ въ частности.

Литература и вообще художество, оставаясь выраженіемъ красоты и поэзіи, въ содержаніи своемъ должны преслѣдовать ту же идею любви къ ближнему. Поэтому всѣ послѣднія его произведенія носятъ исключительно этотъ характеръ. Все прежнее свое творчество онъ считаетъ теперь вреднымъ, потому что въ немъ описываются любовь въ смыслѣ половаго влеченія и насиліе.

Педагогическіе принципы его, свобода выбора занятій и непринудительность въ образованіи, указывались имъ прежде для успѣха просвѣщенія, а теперь имѣютъ смыслъ только, какъ отрицаніе насилія. Образованіе, какъ познаніе природы, людей и жизни хорошо настолько, насколько нужно для пользы ближняго; а, какъ проявленіе прогресса, порождающаго порабощеніе ближняго,—образованіе вредно. Онъ находитъ, что именно это послѣднее преподается во всемъ современномъ обществѣ, потому что преслѣдуется только для того, чтобы стать въ обществѣ выше ближняго, отличить себя отъ него и подчинить его себѣ.—Поэтому онъ пересталъ заботиться объ образованіи своихъ дѣтей и недоволенъ, что это продолжаетъ дѣлать его жена. Когда старшій сынъ его окончилъ курсъ въ университетѣ и спросилъ его совѣта относительно будущей своей дѣятельности, отецъ совѣтовалъ ему идти къ мужику въ работники.

Воспитаніемъ надо развивать любовь и состраданіе къ ближнему и ради того же заглушать, а не развивать половое влеченіе, какъ это дѣлается, по его мнѣнію, во всемъ современномъ обществѣ. Любовь къ простотѣ и невзыскательной обстановкѣ должна тоже преслѣдоваться воспитаніемъ. Вѣжливость искренняя умѣстна, какъ проявленіе опять же любви къ ближнему, а изысканная заслуживаетъ порицанія, потому что является, по словамъ его, несомнѣннымъ проявленіемъ эгоизма.— Такъ какъ нравственное воспитаніе его семьи и прежде отвѣчало этому взгляду на воспитаніе, измѣненій по этому поводу никакихъ не произошло, если не считать, что самъ Левъ Николаевичъ любитъ обращаться иногда въ тонѣ простонародія въ знакъ простоты, имъ рекомендуемой.

Прежде цивилизацію онъ считалъ вредною, потому что она ослабляетъ и изнѣживаетъ человѣка и тѣмъ затрудняетъ ему борьбу съ природой; а теперь онъ видитъ главный вредъ ея въ томъ, что послѣдствія эти влекутъ за собой необходимость эксплоатировать трудъ ближняго, безъ чего нельзя пользоваться удобствами, роскошью и т. п. Поэтому даже чистоплотность, а не только удобства и роскошь, строго порицается Львомъ Николаевичемъ, если для нея требуется чужая услуга. О примѣненіи имъ этого взгляда въ его личной обстановкѣ будетъ упомянуто ниже по поводу пользованія чужой услугой, а тутъ замѣчу, что онъ самъ протапливалъ себѣ баню и носилъ воду. Въ свой умывальникъ воду ежедневно приноситъ тоже онъ самъ.

По той же причинѣ отвергается и польза желѣзныхъ дорогъ, поэтому онъ старается ими не пользоваться.

Прежній взглядъ на аристократизмъ смѣнился теперь состраданіемъ преимущественно къ крестьянамъ. Чѣмъ ниже стоитъ личность въ общественномъ смыслѣ, тѣмъ больше, по его мнѣнію, она должна вызывать состраданія. Поэтому самою свѣтлою личностью въ драмѣ «Власть тьмы» фигурируетъ Акимъ съ его золотымъ промысломъ. Простой народъ, болѣе прежняго, сдѣлался теперь симпатичнымъ Льву Николаевичу. Онъ ближе всѣхъ по образу жизни и по отношеніямъ своимъ къ ближнему подходитъ къ образцу, который требуется ученіемъ. Прежняя замкнутость жизни Льва Николаевича замѣнилась теперь полною доступностью къ нему всѣхъ, ограниченною одно время не имъ самимъ, а его женою вслѣдствіе его болѣзни. Его посѣщаютъ очень многія и разнообразныя личности, но при мнѣ пріѣзжалъ только какой то милліонеръ изъ Сибири. Я не присутствовалъ при ихъ бесѣдѣ и не знаю цѣли его посѣщенія. Что касается до крестьянъ, то они приходятъ часто и преимущественно за помощью. Всякая обособленность въ жизни вообще порицается Львомъ Николаевичемъ, потому что, по его мнѣнію, вызывается желаніемъ не видѣть чужой нужды и чужихъ страданій.

Объ отношеніи его къ своему состоянію онъ говорилъ мнѣ, что хотѣлъ избавиться отъ него, какъ отъ зла, которое тяготило его при его убѣжденіяхъ; но онъ поступалъ сначала неправильно, желая перенести это зло на другаго, т. е., непремѣнно раздать его, и этимъ породилъ,

по его мнѣнію, другое зло, а именно энергическій протестъ и большое неудовольствіе своей жены. Вслѣдствіе этого протеста онъ предлагалъ ей перевести все состояніе на ея имя, и, когда она отказалась, онъ тоже и безуспѣшно предлагалъ своимъ дѣтямъ. Послѣ этого, не желая противиться женѣ насиліемъ и не стараясь переносить это зло на другаго, онъ сталъ относиться къ своей собственности такъ, какъ будто ея и не существуетъ, и отказался отъ своего состоянія, сталъ игнорировать его судьбу и перестал имъ пользоваться, если не считать того, что онъ живетъ подъ кровлей Яснополянскаго дома. Отрицая денежную помощь въ принципѣ, потому что всякій денежный знакъ есть средство порабощать ближняго, онъ тѣмъ не менѣе не счелъ возможнымъ отвергнуть ее на дѣлѣ, потому что его семья продолжаетъ пользоваться его состояніемъ. Сестра говорила мнѣ, что они ежегодно раздаютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей бѣднымъ. При мнѣ ко Льву Николаевичу пріѣхалъ больной и погорѣвшій мужикъ просить у него лѣсу для сарая. Онъ пригласилъ меня, мы взяли топоры и вдвоемъ мигомъ срубили въ Яснополянскомъ лѣсу нѣсколько деревъ, обрубили сучья и увязали бревна на телѣжномъ ходу мужика. Я долженъ сознаться, что дѣлалъ это съ увлеченіемъ. Я испытывалъ неизвѣданное еще чувство радости, можетъ быть вслѣдствіе вліянія Льва Николаевича, а можетъ быть и только отъ того, что дѣлалъ это для несчастнаго т. е. на самомъ дѣлѣ больнаго, измученнаго и неимущаго человѣка. Мужикъ стоялъ въ то время поодаль съ покорнымъ видомъ. Левъ Николаевичъ,

конечно замѣчая мою радость, нарочно уступалъ мнѣ работу, и я срубилъ почти всѣ деревья, какъ будто этимъ онъ хотѣлъ открыть мнѣ новыя ощущенія. Когда мы отправили мужика, онъ сказалъ: «развѣ можно сомнѣваться въ необходимости и въ удовольствіи такой помощи?!».

Одежда Льва Николаевича осталась прежняя, но она не обновляется и видъ ея весьма изношенный.

При мнѣ въ Ясной Полянѣ художникъ Рѣпинъ писалъ его портретъ. На сеансахъ, несмотря на такую одежду, ветхій ваточный халатъ и старую, кругленькую и низенькую шапку, въ которые онъ былъ одѣтъ, видъ его напоминалъ библейскаго патріарха.

Куреніе, къ которому онъ привыкъ съ отрочества, и виноградное вино, которое онъ всегда пилъ за обѣдомъ, онъ безусловно бросилъ и, какъ извѣстно, основалъ общество трезвости.

Услуги постороннихъ онъ конечно не проситъ и совсѣмъ ею не пользуется, и рѣдко пользуется ею отъ своихъ близкихъ, которые дѣлаютъ это, какъ удовольствіе въ знакъ его къ нимъ расположенія, а не только ихъ къ нему. За обѣдомъ съ семействомъ, когда блюдо обноситъ прислуга, онъ, видимо недовольный этимъ, не устраняетъ пользованіе прислугой, потому что съ одной стороны не хочетъ насиліемъ вводить это въ семьѣ, а съ другой — огорчать семью своимъ уходомъ. Свою комнату — кабинетъ онъ ежедневно самъ убираетъ; поэтому вся обстановка въ этой комнатѣ и пыльна и безпорядочна. Но странная вещь! — она не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое выносишь обыкновенно изъ всякой другой безпорядочной комнаты.

Изъ состраданія къ животнымъ онъ бросилъ охоту и говорилъ мнѣ, что онъ не только потерялъ къ ней всякое влеченіе, но удивляется теперь, какъ онъ могъ ею заниматься прежде. Изъ того же состраданія онъ сдѣлался вегетаріанцемъ *) и пересталъ ѣздить на лошадяхъ.

Отрицая такимъ образомъ всякую ѣзду, онъ ходилъ пѣшкомъ изъ Ясной Поляны въ Москву, что составляетъ 195 верстъ, когда семья его туда переѣхала. Онъ разсказывалъ мнѣ, что путешествіе это совершилъ безъ особеннаго усилія, сохраняя пріятное расположеніе духа. А, оставаясь въ Ясной Полянѣ нѣсколько дней послѣ отъѣзда семьи, онъ самъ варилъ себѣ пищу. Оставался же онъ, чтобы скрыть отъ семьи свое путешествіе, т. е. не заставлять ее объ немъ безпокоиться. Слѣдовательно любовь къ моціону сохранилась, но теперь онъ направленъ на полезное, какъ то: пахоту, постройку избъ, путешествіе пѣшкомъ и проч.

Прежнее отношеніе къ медицинѣ усилилось. Я узналъ, что года за два до моего пріѣзда Левъ Николаевичъ ушибъ себѣ ногу. Нога разболѣлась до того, что сдѣлался бредъ. Тогда только жена рѣшилась пригласить врача. Больной недружелюбно встрѣтилъ врача и сказалъ ему, вѣроятно, чтобъ удалить его, что, еслибъ не хорошій гонораръ, то врачъ не посѣтилъ бы его. Врачъ ласково упрекнулъ больнаго въ томъ, что, проповѣдуя любовь къ ближнему, онъ самъ нарушаетъ ее. Послѣ этого совѣты врача были исполнены и болѣзнь быстро уступила пособіямъ. Тѣмъ не менѣе въ мое послѣднее посѣщеніе, когда я узналъ,

*) Вегетаріанцы — секта, неупотребляющая въ пищу мяса и вообще живности.

что Левъ Николаевичъ страдаетъ желчными камнями и рѣшился просить его пить Карлсбадскія воды, онъ отвѣчалъ мнѣ, что никто не может доказать благотворнаго дѣйствія этихъ водъ на его болѣзнь. Къ леченію онъ вовсе не прибѣгаетъ.

Веселое и оживляющее другихъ расположеніе духа, которое постоянно жило во Львѣ Николаевичѣ прежде, теперь совсѣмъ исчезло. Въ немъ нѣтъ ничего угрюмаго и особенно грустнаго, за то нѣтъ и слѣдовъ прежняго оживленія. Эта прежняя черта его точно распалась на части и распредѣлилась между его дѣтьми. Нисколько не стѣсняясь его присутствіемъ, они шумно оживлены и это прекрасно гармонируетъ съ его сосредоточенностью и еще лучше оттѣняетъ его строгое отношеніе къ людской нравственности. Ихъ разговоры, пѣсни, игра на роялѣ и вообщѣ молодое ихъ настроеніе, какъ мнѣ показалось, даже пріятны ему, хотя самъ онъ въ этомъ не участвуетъ. Только въ день моего пріѣзда, навѣрное угадывая мою грусть по поводу произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія, онъ къ удовольствію всѣхъ насъ, пошутилъ со мною, внезапно вскочивъ мнѣ на спину, когда я ходилъ по залѣ.—Общество малыхъ дѣтей онъ по прежнему любитъ, но уже не старается оживлять ихъ, какъ прежде. При мнѣ младшіе сыновья его и племянники часто играли съ нимъ въ шашки. Дѣлая это почти машинально, онъ прислушивается къ общему разговору, и въ противоположность своей прежней манерѣ, не вмѣшивается въ разговоръ, особенно, если онъ касается его ученія, и преимущественно сохраняетъ молчаніе. Если

же онъ говоритъ, то большею частью о дѣлѣ въ смыслѣ его теперешнихъ убѣжденій, и всегда серьезно.

Онъ совѣтовалъ мнѣ оставить службу и измѣнить образъ жизни и раскрывалъ мнѣ радости, которыя приноситъ выполненіе любви къ ближнему. Между прочимъ онъ ставилъ мнѣ въ примѣръ молодаго князя NN. NN долго былъ незнакомъ съ Львомъ Николаевичемъ и вѣроятно съ его ученіемъ тоже. Между тѣмъ почти одновременно съ огласкою ученія молодой князь NN пренебрегъ своими связями и положеніемъ и отдалъ свою землю мужикамъ, а себѣ оставилъ десять десятинъ земли. Но и на этой землѣ онъ еще не поселился, а пошелъ безмездно къ мужику въ работники. Онъ упражняется въ простой работѣ со стараніемъ и ждетъ, когда усовершенствуется настолько, что еврей, живущій по сосѣдству, пригласитъ его къ себѣ въ работники за пять рублей въ мѣсяцъ. Тогда только NN намѣренъ жениться и поселиться на своихъ десяти десятинахъ. Говорятъ, что мать князя NN очень огорчена его увлеченіемъ.

Левъ Николаевичъ жаловался мнѣ на то, что особенно женщина тормозитъ его ученіе, и мотивировалъ это особо сложившимся ея характеромъ, не поддающимся точному опредѣленію. Въ разговорѣ объ особенностяхъ женщинъ я разсказалъ ему одну подмѣченную мною ихъ черту и мнѣ удалось разсмѣшить его. Черта эта заключается въ томъ, что всѣ женщины совсѣмъ не сгибаютъ спины, когда поднимаютъ что либо съ земли, а приседаютъ, чтобъ опуститься. Мущины же предобросовѣстно гнутъ при этомъ свои спины. Я доказалъ это на опытѣ

со всѣми домашними и онъ удался блестящимъ образомъ даже на старухѣ нянѣ и трехлѣтней дочери Льва Николаевича. Онъ громко и отъ души смѣялся каждый разъ, когда испытываемая, не зная въ чемъ дѣло, поднимала съ земли мою карманную щеточку. Смѣхъ его доставилъ намъ всѣмъ большое удовольствіе; такъ рѣдко онъ теперь проявляется.

Онъ продолжаетъ пользоваться глубокою преданностью и искренной любовью всей своей семьи. Она, какъ говорится, смотритъ ему въ глаза. Кромѣ того семья проникнута серьезнымъ уваженіемъ къ его генію. Семейное счастіе его полное. Въ настоящее время онъ уже дѣдушка. Поддаваясь теперешнему любимому тону его, въ подражаніе простонародному, жена и дѣти иногда называютъ его: «мой» и «нашъ старикъ».

Несмотря на то, что Левъ Николаевичъ, по его же просьбѣ, исключенъ изъ числа присяжныхъ засѣдателей, потому что отказался присягать и судить, мѣстное самоуправленіе, желая выразить ему уваженіе, избрало его въ почетные мировые судьи. Онъ самъ показывалъ мнѣ письменное приглашеніе Крапивенскаго съѣзда мировыхъ судей пожаловать въ засѣданіе. По поводу этого приглашенія онъ выражалъ только недоумѣніе, удивляясь, что съѣздъ допускаетъ возможность появленія его судьей.

Объ отношеніи семьи Льва Николаевича къ его ученію въ печати неоднократно высказывалось, что семья не раздѣляетъ его взглядовъ. Не говоря о томъ, что семья эта, не считая малыхъ дѣтей, состоитъ изъ жены, трехъ взрослыхъ сыновей и двухъ взрослыхъ дочерей, изъ ко-

торыхъ каждый можетъ имѣть свои убѣжденія,—это мнѣніе еще и несправедливо.

Въ силу правила не противиться злу насиліемъ Левъ Николаевичъ ищетъ и старается породить въ своихъ дѣтяхъ совершенно свободное отношеніе къ его ученію. Онъ высказываетъ имъ свое ученіе, но даже въ тонѣ его не слышно ни малѣйшей обязательности его для нихъ. Вообще онъ выставляетъ свое ученіе, какъ благо, къ которому люди навѣрное прибѣгнутъ, если не теперь, то позже. Поэтому онъ только скорбитъ и жалѣетъ человѣчество за то, что оно еще заблуждается, причемъ утверждаетъ, что и живо то оно только любовью. Совершенно такое же отношеніе у него и къ своимъ дѣтямъ. Онъ самъ высказывалъ мнѣ, что онъ очень боится неискренняго, а также и искренняго, но привитаго слѣдованія его ученію со стороны своихъ дѣтей. Дѣти его хорошо это знаютъ, а потому поступаютъ во всемъ совершенно свободно.

За то къ женѣ своей Левъ Николаевичъ относится съ оттѣнкомъ требовательности, упрека и даже неудовольствія, обвиняя ее въ томъ, что она препятствуетъ ему раздать состояніе и продолжаетъ воспитывать дѣтей въ прежнемъ духѣ.

Жена его въ свою очередь считаетъ себя правою и сѣтуетъ на такое отношеніе къ ней мужа. Она была ближайшей свидѣтельницей всѣхъ его душевныхъ страданій и вообще постепеннаго развитія его мыслей, и, слѣдовательно, сама неоднократно падала духомъ, скорбя за мужа. Въ ней поневолѣ развились страхъ и отвращеніе къ ученію и послѣдствіямъ его. Чувствуя свое безсиліе и не-

возможность повлiять на генiя и облегчить ему его душевный переворотъ, она думала уже только о своихъ дѣтяхъ и противилась требованiямъ мужа, когда они касались дѣтей, т. е. раздачи состоянiя и воспитанiя.—Поговорка между двухъ огней болѣе, чѣмъ подходяща къ ея положенiю между душевными страданiями мужа и его требованiями съ одной стороны и невозможностью, по ея убѣжденiю, покориться этимъ требованiямъ ради дѣтей съ другой стороны. На ней на одной испытано и обработано отъ неправильностей постепенное возникновенiе его ученiя въ теченiи почти цѣлаго десятилѣтiя. Поэтому между ними даже установился тонъ взаимнаго противорѣчiя, въ которомъ слышатся жалобы другъ на друга за отношенiе ихъ къ ученiю. Вотъ единственная почва, на которой происходило несогласiе между этими такими же, какъ и прежде, примѣрными супругами. Жена Льва Николаевича, чтобы сохранить состоянiе для дѣтей, готова была просить власти объ учрежденiи опеки надъ его имуществомъ, когда онъ хотѣлъ раздать его постороннимъ. Между прочимъ, когда мужъ предлагалъ ей свое состоянiе, она взяла у него полную довѣренность на управленiе всѣмъ его имуществомъ, за исключенiемъ эксплоатацiи тѣхъ произведенiй, которыя написаны въ духѣ ученiя. Они, какъ извѣстно, сдѣлались достоянiемъ всякаго. Въ послѣднее время она стала спокойнѣе относиться къ ученiю своего мужа; она свыклась и стала даже объективно смотрѣть и обсуждать его. Чтобы объяснить взглядъ ея на ученiе мужа, я упомяну о томъ, какъ высказывалась она мнѣ по этому поводу въ послѣднее наше свиданiе въ 1887 году.

Она не только не отрицаетъ въ принципѣ это ученіе, но даже вполнѣ раздѣляетъ убѣжденія мужа, считая его далеко опередившимъ свой вѣкъ, и поэтому она продолжаетъ покланяться его генію и идеямъ; но перестать воспитывать младшихъ дѣтей по прежнему, когда старшіе уже воспитаны такъ; и когда никто въ обществѣ не признаетъ новаго взгляда ея мужа на воспитаніе, она считаетъ несправедливымъ по отношенію къ младшимъ дѣтямъ, а потому и продолжаетъ воспитывать ихъ въ прежнемъ духѣ. Точно также раздать состояніе чужимъ людямъ и пустить дѣтей по міру, когда никто не хочетъ исполнять того же, она не только не находитъ возможнымъ, но и считала своимъ долгомъ воспрепятствовать этому, какъ мать. Высказавъ мнѣ это, она со слезами на глазахъ прибавила: «Мнѣ теперь трудно, я все должна дѣ-» «лать одна, тогда какъ прежде была только помощницей» «Состояніе и воспитаніе дѣтей—все на моихъ рукахъ.» «Меня же обвиняютъ за то, что я дѣлаю это и не иду» «просить милостыню! Неужели я не пошла бы съ нимъ,» «еслибъ у меня не было малыхъ дѣтей?! А онъ все за-» «былъ для своего ученія!!!».

Цѣна 70 коп.